

НАДЕЖДА МАМАЕВА

КАК ИЗБАВИТЬСЯ
ОТ НАСЛЕДСТВА

Светлые и тёмные

Надежда Мамаева

Как избавиться от наследства

«Автор»

2019

Мамаева Н. Н.

Как избавиться от наследства / Н. Н. Мамаева — «Автор»,
2019 — (Светлые и тёмные)

«Некроманту нужно верить, как менеджеру по продажам, то бишь – сомневаться в каждом его слове. А уж если вы решитесь заключить сделку с Темным Властелином, то десять раз перечитайте договор и... Все равно не подписывайте! Ибо обманут», – цитата из дневника попаданки. «Если ты темный маг и твоя жена из благородной семьи светлых держит в руках сковородку, то еще не факт, что она будет жарить яичницу...» – отрывок из письма чернокнижника и опытного семьянина своему холостому другу-некроманту. Но если ради мира между Темными Землями и империей Светлых должна состояться одна свадьба, то жених готов потащить к алтарю невесту в любом виде. Даже если та чуть-чуть мертва...

© Мамаева Н. Н., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Пролог	5
Глава 1	9
Глава 2	22
Глава 3	29
Глава 4	41
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Надежда Мамаева
Как избавиться от наследства

Пролог

«Напрыгалась», – подумала белка, глядя на рассвирепевшую смерть.

«Напилась», – решила смерть, увидев раздвоившуюся плешивую белку с кружкой гномьего первача в лапах.

Она помотала лысым черепом, и хвостатая собутыль... в смысле собеседница вновь стала единой и неделимой. А потом костлявая приклепнула замусоленную карту поверх уже изрядной стопки.

– Дудки! Мой некромант твою льерну все ж таки бьет! – злясь на то, что приходится расстаться с единственным козырем, провозгласила она.

– А вот и нет, – заявила рыжая госпожа Безумия. Правда, везение пушистой сегодня было сомнительным: смерть продувала уже третий раз подряд, отчего становилась все мрачнее. Костлявая не любила проигрывать, даже если игра шла на один лишь интерес, без ставок. – У меня пожиратель душ есть, он твоего некроманта покроет.

– Ик! – Звук гулко разнесся по комнате, отразился от каменных стен и увяз в побитом молью гобелене.

Это дал о себе знать субъект, из-за которого две дамы – одна хвостатая, а вторая костлявая, – собственно, и встретились.

Субъект потянулся за еще одним кубком крепкого тинийского вина, которого не пил добрый десяток лет, и залпом его осушил. Уже изрядно перебравший лэр, сидевший за добротным сбитым деревянным столом, был пока жив и в относительно здравом, хоть и хмельном уме. Он пялился остекленевшим взглядом на лежавший перед его носом приказ, украшенный печатью императора Аврингроса Пятого, не подозревая, что за ним пришли сразу двое: белочка и смерть. И оные дамы даже сидели с ним за одним столом. И сейчас они ждали, куда отчалит «счастливчик»: то ли за грань, то ли в дом скорби.

– Не позволю! – взревел лэр, ни к кому не обращаясь.

Он был здоров, как медведь: небесные покровители не обделили своего верного раба ни телесной силой, ни статью, ни немилостью императора. Во всяком случае, так казалось набожному Лавронсу все сорок пять лет, что он жил. А вот сегодня... Светлые боги решили испытать его веру.

Схватив приказ, лэр смял его, а затем швырнул в стену кубок.

– Не быть моей дочери женою этого поганого некроманта! Даже если так повелел сам император.

Лэр решительно притянул к себе перо и бумагу.

«Милостивый император, свет и надежда народа...»

Перо зависло над бумагой и, пока Лавронс пытался сформулировать мысль, оставило черную кляксу. Но лэра это не смутило, и он продолжил. Два абзаца витиеватых приветствий были выведены на удивление твердой рукой ради всего нескольких фраз:

«Моя жизнь целиком в Вашем распоряжении, и я готов хоть сейчас отдать ее за отчизну. Но душа, тем паче душа не моя, а моей единственной дочери, принадлежит светлым богам. Осквернять ее замужеством с исчадием тьмы я не вправе. Посему моя Кэролайн отбывает в монастырь, где примет постриг и тем самым избежит участи погубить себя».

Лавронс уверенно поставил точку и, сложив послание, поднялся. Чуть шатаясь, добрал до телепортационного камня, что мерцал в полумраке синим, и, приподняв его, положил письмо. Придавил сверху.

На миг свет рассеял полумрак комнаты: бумага отправилась в императорскую канцелярию.

– Ну все, заканчиваем. Этот уже точно мой! – победно заявила смерть. – Император теперь его точно казнит за то, что ослушался приказа.

– Жаль, – вздохнула белка, собирая в лапы карты. А потом завистливо выдала: – Везет тебе.

– Ну да, тебе везет в игре, а мне – в смерти, – заявила костлявая, поднимая лежавшую на полу косу.

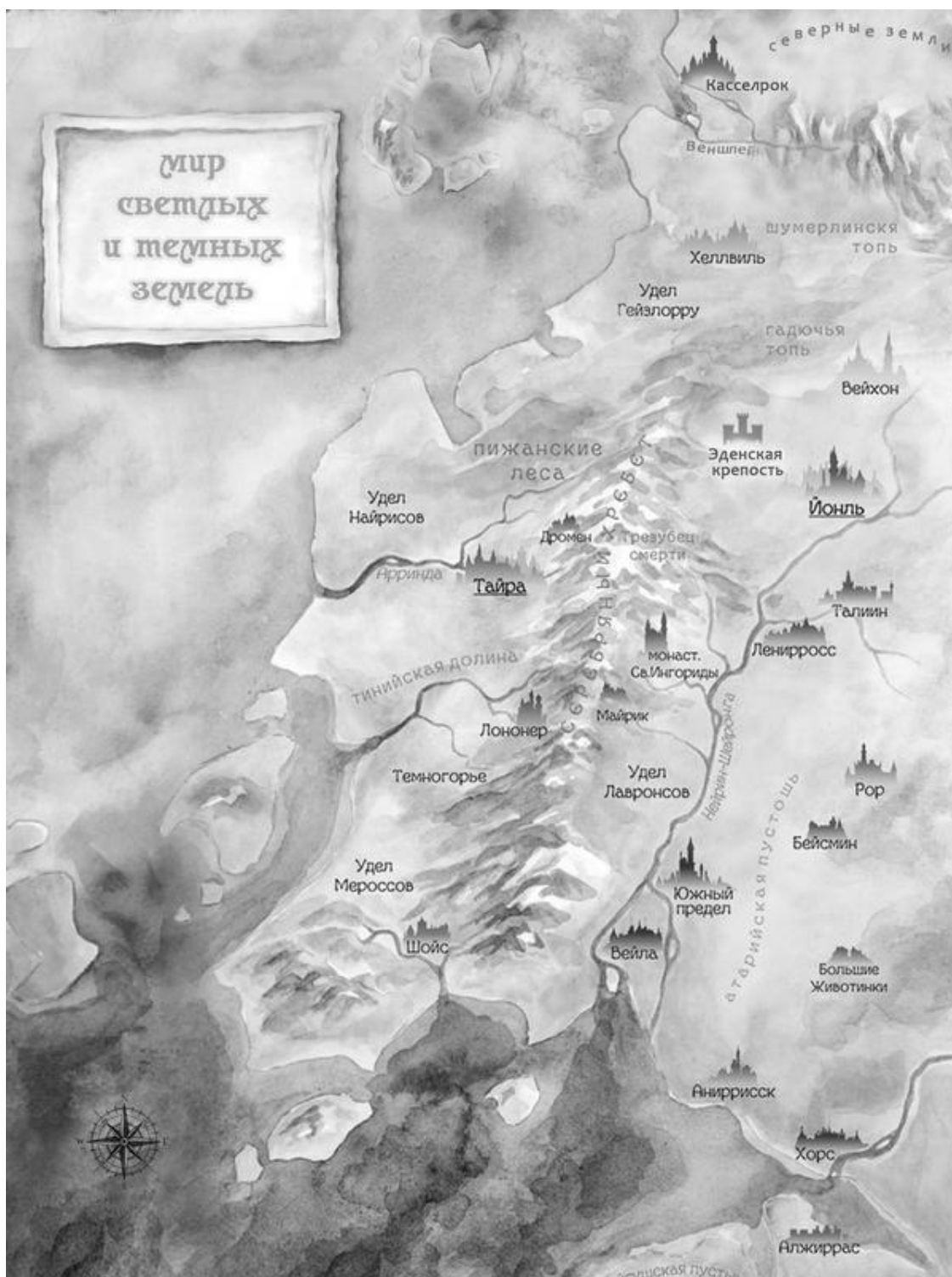
Белка же, бубня себе в усы о некоторых набожных, которые нормально дочь замуж выдать не могут, уже собралась уходить, когда смерть ее решила ободрить:

– Слушай, плешивая... Может, у него хотя бы дочурка Кэролайн свихнется? В монастырях же этих от десятков молитв, которые они каждый день творят не по разу и при этом лбом об пол бьются, легко можно реальность с туманом перепутать... Тем более...

Белка задумалась.

Пока две невидимые гости беседовали, Лавронс позвал слугу и распорядился, чтобы Кэролайн собирали: она отбывает в монастырь. Шустрый прислужник понятиливо кивнул и исчез за дверью.

Юная лэрисса Лавронс уехала из дома спустя удар колокола. А утром ее отца публично казнили. Император не терпел неповиновения. Особенно когда дело касалось дел политических. А мирный договор с темными, залогом которого должны были стать браки между знатными подданными Сумеречных земель и Светлых, являлся именно таковым.

Глава 1

Я сидела и буравила взглядом монитор. Три часа ночи. Мысль была только об одном – спать! Много и вдохновенно. Но увы. Если ты работаешь сам на себя и к тебе на съемку записываются чуть ли не на полгода вперед, то даже смерть не будет достаточно веским оправданием, почему заказ не выполнен.

Сражение с прыщами невесты шло в фотошопе уже давно. Она была милой, даже очаровательной, поскольку светилась от счастья. А вот тому, кто делал ей макияж, руки хотелось оторвать с особым садизмом. Замаскировать прыщи косметикой не столь долго, как потом на каждом кадре их ретушировать! А снимков было около трехсот.

Я потянулась к кружке с кофе. Да уж... Знала ли моя мамочка, давая дочурке такое нежное имя, как Лада, что через пару лет звать меня будут не Ладушка или Ладонька, а исключительно Ада. И дело тут не в более кратком звучании, а в том, что выросла я не милым ангельским созданием, как задумывала моя родительница, а скорее совсем наоборот.

Мой скверный характер с годами только расцветал, чего нельзя было сказать о внешности. Та казалась самой обыкновенной.

К своим двадцати шести годам я сумела сделать себе имя, набрать хорошую клиентскую базу и в целом была довольна жизнью. Свадебный фотограф – это не только модно, но и весьма денежно при условии, что ты мастер своего дела. Вот только и пахать приходилось без выходных, до рези в глазах. Снимать порой по шестнадцать часов подряд, и не стоя или сидя, а как придется. Порою – по колено в воде, чтобы получить красивые кадры влюбленных, сидящих в лодке. Или лежать животом на грязной земле, фотографируя с самого неожиданного ракурса.

Но чаще всего вот так, как сейчас, проводить сутки у компа, шлифуя удачные кадры.

Заказ надо было сдавать завтра. Монитор «Мака» смотрел на меня, словно спрашивая: «Ну, долго мне еще светить? Я тоже отдохнуть хочу!» Но я была немилосердна. И к себе, и к другим. А как иначе? Грозный зверь «ипотека» появлялся на моем горизонте каждый месяц, хватал денежную добычу и утаскивал ее в свое банковское логово.

В десять утра, когда мне позвонил заказчик, я была в состоянии полутрупа, скорее мертвая, чем живая, но зато довольная: все успела.

Залив все фотографии в «облако» и получив-таки на свой счет остаток гонорара, я отрубилась. Хорошо, что на диван упала, а не прямо на пол.

Проснулась от настойчивой телефонной трели. Кому-то срочно понадобилась Адочка. Помотала головой, пытаюсь взбодриться, и затем просипела в трубку: «Да, слушаю».

Звонил папа. Как он умудрился до меня достучаться, осталось загадкой: в истории вызовов значилось больше десяти пропущенных от незнакомых абонентов. Отчитавшись, что у меня все хорошо и отлично, я завершила разговор и поняла, что дико хочу есть. Да что там есть, я готова была сейчас ради бутерброда совершить ограбление «Макдоналдса»!

Хотя если я вломлюсь туда, размахивая пакетом, с криком: «Живо все сюда!» – то от меня станут откупаться купюрами, а не сэндвичами. А жаль.

Я порыскала в холодильнике и убедилась, что там еды не больше, чем снега в Зимбабве, а на полке кухонного шкафчика – последняя половинка макаронины. И та надкушена.

Пиццерия находилась через улицу. Поэтому именно в нее я поспешила с резвостью газели, узревший поляну со свежей сочной травой.

Спустя четверть часа я с урчанием уминала пеперони. Очень быстро от пиццы остались лишь крошки, и моему гастрономическому блаженству пришел конец. С тоской глянув на пустую тарелку, я поднялась и, сытая, слегка осоловевшая и плохо соображающая, пошла обратно. Навстречу попался парень: выражение лица у него было ну точно с журнальной обложки. Образ дополняли стильная стрижка, одежда от кутюр, маникюр. На него мно-

гие оборачивались: и молодые мамочки, и солидные дамы, и девочки-подростки. А я, зная, что вот таких красавчиков не только мимо проходящими по улице, но и в жизни, лишь поморщилась. Столь ухоженные представители сильного пола вызвали у меня стойкую ассоциацию с домашними декоративными собачками, которых таскают в сумочке или под мышкой.

Про себя я величала таких сверхстильных и откутюренных декоративными мужчинами. Они требовали к себе внимания, ухода и считали, что мир принадлежит им. Главным их достоинством было то, что на фото они выходили отлично: умели позировать, знали свои лучшие ракурсы. Но то в работе. А в обычной жизни... Я не ждала от подобных нарциссов ничего хорошего.

На перекрестке загорелся зеленый свет, я шагнула, но запнулась о бордюр и полетела лицом вперед. Счастье, что успела выставить руки и лишь содрала кожу на ладонях. В голове промелькнули мысли, далекие от высокого штиля и цензуры. Вскочила, отряхнулась и побежала, чтобы успеть на зеленый.

Светофор мигнул, предупреждая, чтобы пешеходы поторопились. И тут я увидела, как из-за поворота на меня несется «газель».

Я не успела увернуться. Удар был сильным, меня буквально выбросило на тротуар. Но самое странное, я не чувствовала боли в теле. Вообще. И тела не чувствовала. Только лицо. Оно горело огнем. А во рту был вкус крови.

Дальше была карета «скорой помощи», маска с наркозом и пробуждение в палате – все это обрывками отпечаталось в моей памяти.

Когда окончательно пришла в себя, то оказалось, что я прикована к постели. Навсегда. На всю жизнь. Перелом шейных позвонков и, как следствие, паралич. Я не чувствовала ничего, что было ниже моего подбородка. Хотелось ударить кулаком от бессилия, но я не могла. Видела свои руки, но была не в состоянии пошевелить и пальцем.

Вот тогда-то я и возненавидела весь мир. Подключенная к куче аппаратов, я проводила день за днем, месяц за месяцем. Сначала в больнице, потом дома. Квартира, за которую была выплачена уже большая часть ипотеки, сдавалась. Благо старшая сестра взяла все в свои руки и нашла квартирантов. Родители, до этого гордившиеся обеими своими дочками, стали заглядывать чуть реже, зато нанятая ими сиделка – чаще.

Я была вроде бы живой, но одновременно уже мертвой. И мечтала, чтобы это все закончилось.

Так и случилось. Однажды я просто не проснулась. Вернее, посреди ночи распахнула глаза от ощущения, что кто-то смотрит на меня. Пристально так, неотрывно.

В комнате никого не было. Через незадёрнутую штору лился лунный свет, отчего углы спальни, в которой я провела почти четыре месяца, казались особенно темными. И тут я услышала:

– Ну чего тебе стоит? Ну сойди ты с ума, а? Жалко, что ли? А я на тебя формуляр заполню...

Я скосила глаза.

На подоконнике сидела белка с бланком в одной лапе и пером, которое, судя по всему, играло роль шариковой ручки, в другой. Чудненько... Мне приветственно помахала рукой белая горячка. Только ее мне и не хватало. Ага.

– А что мне за это будет? – с любопытством спросила я.

– Ты меня видишь? – удивилась гостья.

– Еще и слышу! Так что мне за это будет?

Белка возмущенно подпрыгнула и зашипела:

– Ну знаешь ли! Это вообще-то наглость. Требовать у меня! Я тут сижу жду, когда у нее крыша поедет, а она...

И эта драная кош... в смысле белка начала меня совестить, отчитывать, уговаривать, звать к порядочности и всему тому, чего я лишилась еще в младенчестве вместе с отрезанной пуповиной. Дескать, сколько можно?! От смерти ушла, перелетев через бордюра, – нет чтобы, как всякий порядочный перспективный труп, улечься под колеса «газели»! – теперь и от шизофрении отлыниваю. Если так дело пойдет, чего доброго, еще и радоваться жизни начну!

Я из врожденной вредности поблагодарила за отличную идею и заверила, что непременно буду и радоваться, и наслаждаться. Даже открою собственное дело, благо меня как фотографа знают. Найму секретаршу и буду надиктовывать ей бестселлеры: «Как сделать идеаль-

ное селфи», «Как набить морду фотошопу», «Как проклясть заказчиков и при этом получить премию» – и все в том же духе. А еще пусть помощница от моего имени в соцсетях раздает лайфхаки: где у камеры находится кнопка «шедевр» и как можно круто заснять всю свадьбу на смартфон.

Я так вошла в раж, расписывая свое светлое будущее, что заявила, что и детей смогу родить. Правда, через кесарево, если у меня руки-ноги не функционируют, но забеременеть, а потом и выносить (в моем случае – вылежать) ребенка я ведь могу?

У белки нервно задергался ус, а уж про то, как она отбивала дробь хвостом по подоконнику, и говорить нечего. В общем, психовала моя шизофрения, бесилась изрядно. Я даже за нее переживать начала, родимую: вдруг удар хватит?

И тут из воздуха соткалась черная сова. Взмахнула крыльями, и вот уже на полу стояла смерть в черном балахоне и при косе. Ну, во всяком случае, именно так ее и изображают. Правда, скорбного величия не было и в помине. Скорее даже наоборот: чересчур деловой и заговорщицкий вид.

– Слышь, рыжая, ты еще не закончила? – осведомилась смерть.

– Да какое тут! Эта дура мне заявила, что у нее жизнь только-только налаживаться начала и сходить с ума она не намерена.

– А ты точно уверена, что она уже не ку-ку? – перекинув косу из руки в руку, засомневалась гостья. – С таким-то позитивным настроением и в ее-то положении.

– Нормальное у меня положение, лежачее. Между прочим, самое устойчивое! Точно не упаду, – вмешалась я в беседу, решив, что терять мне вроде как и нечего.

– Она что, нас видит? – повернув ко мне лысый череп, изумилась смерть.

– Сама же знаешь, что одной ногой за грань шагнувшие со всякими прибабахами бывают. Эта видит. Предыдущая вон вообще у тебя косу стянуть умудрилась!

– И не напоминай про ту паразитку! – с сердцах отмахнулась смерть. – Я зачем, собственно, явилась. Тут один чернокнижник на луну усиленно выл, в смысле заклинание призыва души читал. Он аж на девяностый уровень Бездны провалился, так ему враз согласная душа запонадобилась. Десять капель чистой силы обещал тому демону, который ему душу доставит. Любую. Главное, чтобы свободную, согласную и срочно. В течение четверти удара колокола.

– Какие у чернокнижников нынче запросы пошли... Душу ему, согласную! Хотя опять же десять капель силы... – Белка была сама деловитость. – А зачем сей ценный товарец запонадобился-то?

– Да у него тут незадача вышла. Невеста померла. Темный властелин приказал своему стражу жениться на светлой: укрепление союза и все такое. Дэймон хоть и был не в восторге, но раз владыка приказал – значит, надо. А политический брак, сама понимаешь, дело такое: если правители решили своих подданных поженить, то тут хоть труп, но к алтарю притащи. Дэй, может, и притащил бы, но на зомби брачный браслет не застегнется. А что это за церемония, если невеста ни до алтаря дойти не может, ни брачный символ на запястье нацепить? Вот ему и надо на время душу в бесхозное тело запихнуть. А там как наденет на нее браслет – пусть мрет дальше.

– А отчего померла-то?

– Потравили. Представляешь? В монастыре, доме светлых богов, и потравили. Причем качественно так, с гарантией.

– Вот я всегда говорила, что в этих монастырях самые отпетые негодяи собираются. – Белка уперла лапы в бока.

– Да не суть, кто там в этих монастырях. Время-то уходит! И десять капель силы в Бездне просто так не валяются! Десять! Это же десять лет жизни мага. Задарма, считай. Где бы душу неучтенную только найти...

И тут взгляды белки и смерти сошлись на мне. Ну нет... Вот ведь две коммёрсантки недобитые!

– Даже не надейтесь! – решительно заявила я.

– Слышь, Хель, а может, ты ее быстренько укокошишь косою, а? И душу мы того, загоним.

– Не могу. По протоколу не положено. Она сама должна... К тому же против воли через Бездну не пройдет.

Белка опечалилась. А потом, махнув лапой, предложила мне:

– Эй, а давай мы тебя в долю возьмем? Скажем, три капли силы. Все по-честному! Ну что ты теряешь? Свое недвижимое тело? А три капли силы способны совершить чудо даже в этом мире и поднять тебя на ноги... А пока твоё тело полежит без души в... на морозе... Нет, не так... Как бишь его. А, вспомнила! Коматозе.

И вправду, что я теряю? Только я успела озвучить, что согласна, – в мою грудь впились совиные когти. Как выяснилось, выдирать душу из ещё живого тела – процесс тяжёлый (для смерти) и весьма болезненный (для меня).

Едва мой дух воспарил над кроватью, меня тут же засосало в воронку. Вот только перед тем, как потерять сознание, услышала:

– Хель, кажись, у нее сердце остановилось...

– Ну, значит, одним трупом больше, – выдохнула смерть. – Но она же сама согласилась. Значит, оформим как суицид.

Сознание померкло окончательно.

В себя я пришла от дикой боли. Распахнула глаза и увидела, что надо мной склонилось незнакомое лицо, отчасти скрытое черными волосами, обрезанными до плеч. Пронзительный взгляд зеленых глаз словно препарировал.

Моя первая мысль при виде этого брюнета оказалась чисто профессионального характера: такой цвет глаз, напоминающий о майской листве, в сочетании со смуглой кожей не встречается в природе. Скорее всего, это линзы, которыми и воспользовался брюнетистый выпендрёжник! Кадры с ним придется обрабатывать и чуть затемнять, тогда будет идеальный снимок.

Странный тип с облегчением выдохнул. Почувствовала кожей, что воздух с морозцем. И это от живого человека?

Зато тут же смогла ощутить и всю гамму чувств, что приличествует телу. Голому телу, лежащему на камнях. Моему.

– Слава Бездне, успел. – Тип чуть отстранился от меня. – Ты можешь говорить?

– Ка-а-ахр, – горло словно сдавило невидимым жгутом, и я выдала вместо «конечно» сей набор звуков. Сглотнула. Стало чуть легче.

Тип заскрежетал зубами:

– Эти две прохиндейки не могли подsunуть мне душу вороны. Я бы почувствовал.

– Я. Не. Во-ро-на, – произнесла я с невероятным усилием.

Язык слушался с трудом, да и эта пара слов... Прежде чем произнести их, я долго копалась в памяти, словно в сумочке, когда на ощупь пытаешься найти ключи. Ведь знаешь, что они точно там есть, но сразу в руки ни за что не попадутся. Вот так и со словами... Будто это была не моя голова.

Хотя почему «будто»? Если это все же не шизофренический бред, то выходит, что тело сейчас не мое и, следовательно, голова тоже.

Я вгляделась в проломленный стрельчатый потолок, ухидивший ввысь. Через него было видно серое небо. Уцелевшую часть свода подпирали беломраморные колонны, некоторые из них были разрушены. Часть фрески под самым куполом изображала то ли ящеров с крыльями, то ли демонов, которых люди в рясах осеняли светлым знаменем. Как специалист могла сказать, что с концепцией было туго. Даже мне, далекой от понятий «тактика», «стратегия» и «как замочить врага и не сдохнуть самому», было понятно: сожрет ящер крылатый святош,

ой, сожрет. Но художник был уверен в обратном, оттого на фреске чуть ниже один из монахов пронзал копьем здоровенную тушу. При этом копье выглядело зубочисткой, а ящер – батонном докторской. Но добро победило. Пусть лишь и в воображении художника.

В общем, обстановка была явно не больничной, да и в комнате, где я провела последние четыре месяца, таких сводов не наблюдалось. Скорее уж храм после штурма или бомбардировки с воздуха.

Значит, я сейчас в теле той самой отравленной невесты.

Между тем тип, убедившись, что я не ворона, слегка успокоился. Даже глазом дергать перестал. Зато руки его ощутимо дрожали. Да и виски оказались покрыты испариной.

Я же поняла, что релакс на камнях – это, конечно, хорошо, а чувствовать собственное тело – вообще здорово, но если я полежу так еще чуть-чуть, то смогу сделать первое в новой жизни приобретение – радикулит.

Поэтому попыталась встать. Ха-ха. Причем три раза. Я едва могла пошевелить рукой. Она была тяжелой, словно из свинца отлитой.

Брюнет, заметив, что я не только могу говорить, но и подаю другие признаки жизни и удирания, наклонился и поднял с пола холщовую сумку. Ослабив на ней завязку, он начал что-то искать и, не отрываясь от этого архиважного процесса, крикнул:

– Тащите сюда какого-нибудь храмовника из тех, что еще живы. Пусть нас повенчает. Невеста очнулась.

Нет, я, конечно, слышала о скорых браках, но чтобы настолько... К тому же в памяти накрепко засели слова белки о том, что «ему бы невесту только до алтаря дотащить». А потом что? Прибьет? Ну уж нет!

Брюнет отошел от меня на несколько шагов и сейчас стоял, осматривая полуразрушенный храм. В его ладони сиял пульсар, так, словно маг ждал нападения.

Я воспользовалась тем, что сейчас этот тип ослабил бдительность и не смотрит в мою сторону, и невероятным усилием воли перевернулась на бок. Потом еще раз... Каждое движение давалось с болью, но уж очень хотелось жить.

Увы, далеко укатиться не удалось. Путь преградили сапоги. Добротные сапоги из дубленной кожи.

– И куда собрались, лэрисса Кэролайн? – спросил все тот же чуть хриплый голос. – Или как твоё настоящее имя?

– Лада, – невесть зачем брякнула я.

– Хорошо, что женщина, возни будет меньше, – удовлетворенно хмыкнул брюнет. Его ладонь сомкнулась, гася пульсар. Маг присел на корточки и, заглянув в мое лицо, проникновенно спросил: – Ну и куда ты собралась от меня, Лада?

– Не все рождены для брака, кто-то и для счастья... – попыталась я донести до этого типа прописную истину. Дескать, не очень-то мне и хочется венчаться сейчас. Да и вообще в перспективе, так сказать. – А я хочу быть счастливой.

– Значит, ты, Лада, как и курица Кэролайн, которую отравили, считаешь, что лучше смерть, чем выйти замуж за темного?

– Ни в коем разе, – удивительно, но чем больше я говорила, тем легче мне давались слова. – Я вообще не расистка. Какая разница: белый, черный, красный, желтый... Главное, чтобы человек был хороший.

И тут нашу милую беседу прервали. Сначала стук сапог о мрамор, потом пыхтение и истошный женский крик: «Я? Никогда!» – а потом и собственно визитеры.

Молодой парень в черной одежде заломил руку монахине, а еще для надежности приставил к ее горлу кинжал.

– Мессир, храмовника не было. Тут только монашки...

– Неважно, пусть эта, – брюнет кивнул в сторону замершей под лезвием служительницы, – проведет церемонию.

– Исчадие тьмы, не дожدهшься! В оскверненном храме...

– Я в курсе, что он осквернен, ибо сам же его и разрушил. Увы, в целый я, как истинный темный, не смог зайти. А вы не горели желанием выдать мне невесту. Проводите церемонию, – потребовал брюнет, – и я надену на руку моей нареченной обручальный браслет.

Кинжал впился в горло монахини, прочертив красную полосу. По лезвию потекли капли крови. Я увидела животный ужас в ее глазах, сейчас он напрочь вытеснил фанатичный блеск веры. Ей хотелось жить. До одури, до дикой паники.

– Вы не понимаете, я не могу! – истерично выкрикнула она. – Сочетать узлами может только церковник. Я же...

Брюнет холодно посмотрел на монахиню, и та осеклась.

– А вы попробуйте. – От его обманчиво ласкового голоса мне захотелось срочно зарыться поглубже. И неважно, что подо мной была каменная кладка. Я сказала «зарыться», и все тут.

Монахиня сглотнула и выдавила из себя дрожащее «д-д-да».

А потом была самая странная свадьба из всех, что я когда-либо видела, а видела я немало. Невеста, то бишь я, все так же лежала на полу, жених стоял рядом, а регистраторше в бок упирался кинжал. Когда она дошла до слов: «Согласна ли дева Кэролайн Лавронс...» – я решила, что самое время, и... потеряла сознание. Как говорится, в борьбе за жизнь все средства хороши. И если длина оной прямо пропорциональна тому, как долго я нужна брюнету в качестве невесты, то я сделаю все возможное, чтобы побыть в данном статусе как можно дольше.

В себя пришла оттого, что кто-то меня нес, причем перекинутой через плечо. Я попробовала дернуться. Меня тут же подкинули, отчего мои челюсти клацнули в районе мужского зада, обтянутого черными штанами. А потом я узрела сапоги. Знакомые такие сапоги из дубленой кожи.

– Если решишь еще чего-нибудь выкинуть, то я тебя упокою, – предупредил мой жених. Или уже муж?

Нет, судя по тому, что мои запястья были свободны от дурацких браслетов, церемония все же не состоялась. Это радовало. Как и то, что я сейчас относительно одета. Точнее, завернута в какую-то шкуру, если судить по ощущениям. Кожу щекотал густой мех.

Мой «жених» перехватил меня поудобнее и продолжил выдавать ценные указания:

– Виси и не вертись. А если решишь удрать, так и знай: убью. И плевать, что на призыв твоей души я потратил почти все свои силы.

Я закашлялась. Кровь резко прилила к голове, а вместе с ней и дурь. Иначе почему я не прикусила язык, а ляпнула:

– Вообще-то это была моя фраза. Про лучшие отданные годы.

Я почувствовала, как мышцы брюнета напряглись, хотя шаги его были такими же четкими и размеренными. А вот вкрадчивый голос заставил насторожиться:

– Что ты хотела этим сказать?

– Ну, обычно такое после энного количества лет брака говорят жены. Я, дескать, отдала мужу лучшие годы своей жизни.

– Мы еще, слава Бездне, не женаты.

– Если ты славишь свою Бездну и вообще рад, что мы еще не супруги, отчего так рьяно тащишь меня в этот самый брак?

Разговор выходил презанятный, особенно с учетом того, что я все еще висела вниз головой. Но не молчать же мне? А так слово за слово и выясню, куда меня занесло и каковы туманные перспективы кроме злополучного замужества.

– Потому что жениться на тебе мне повелел владыка, – прозвучал исчерпывающий ответ, и мой телоносец надолго замолчал.

Мне же слегка осточертело висеть вниз головой и рассматривать каменную кладку. Я дрыгнула пяткой.

– Сейчас скину, – предостерег «жених».

– А можно меня поставить? Или хотя бы сделать так, чтобы голова была вверху, а не внизу? А то, господин хороший, у вас так невеста повторно скончается. От кровоизлияния в мозг.

Но то ли этот гад решил, что крови изливаться у меня не во что, то ли мне вообще попался на диво небережливый тип, но моей просьбе он не внял. Хотя... Чего ждать от того, кто с радостью женился бы и на зомби, если бы она смогла пойти к алтарю?

Мы вышли на улицу и начали спуск по лестнице, когда раздался крик:

– Сдавайся, исчадие тьмы! Руки вверх! И никаких заклинаний. С нами белый маг.

Судя по всему, обращались к моему телоносцу.

Брюнет остановился, словно обдумывая прозвучавшую фразу.

Лично я была против такого развития событий хотя бы потому, что если мой «жених» поднимет руки, то я грохнусь вниз и сверну шею.

Между тем «исчадие тьмы», удерживая меня одной рукой, невозмутимо поинтересовалось у тех, кто заступил ему дорогу:

– И почему я должен сдаваться?

Вопрос прозвучал спокойно и обыденно. Я бы даже сказала, с интонацией «как же они меня достали».

– Ты разрушил монастырь! Осквернил святыню! Надругался над монахинями и крадешь святые мощи! – кто-то пафосно обличал брюнета.

Да уж, сильно того прижало жениться. Судя по всему, владыка – суровый мужик. Раз моему «жениху» проще показалось разворотить монастырь, рискуя сдохнуть от руки стражей, чем вызвать гнев своего повелителя.

– Я не разрушал монастырь, а лишь улучшил систему вентиляции купола. Что же до осквернения: если бы выдали мне мою невесту сразу, мне не пришлось бы входить внутрь. Когда темный маг ступает под свод святыни, то тут одно из двух: сгорает либо он, либо защита храма. Поэтому уж извините, что мой дар оказался сильнее, чем купол над вашей молельней.

– Ты еще смеешь дерзить, чернокнижник?! – в дипломатический диспут средневекового разлива вступил третий, зычный голос, прочно ассоциировавшийся у меня с криком «Гектор!» из фильма «Троя». – У тебя на плече умертвие, ты выходишь из разрушенного тобой храма и считаешь, что все сойдет тебе с рук?

Раздался вскрик: «Сперато!» – и в воздухе что-то затрещало. Темный со мной на плече резко сиганул в сторону. Я здорово приложилась к чему-то бедром. Хорошо хоть, не головой.

Мой «жених» прошипел что-то сквозь зубы. То ли колданул, то ли выругался. Через секунду совсем рядом что-то обрушилось.

Надеюсь, не то укрытие, за которым мы находились. Еще немного в том же духе – и нас просто убьют. Поэтому сочла, что стоит слегка разрядить обстановку:

– Мужики, клянусь, я не труп! Я его невеста. У нас всего лишь была репетиция брачной церемонии.

Говорить, что перед ней моя предшественница отправилась за грань, я не стала. Зачем брюнета еще сильнее подставлять?

Мой крик возымел эффект. На миг воцарилась тишина.

– Клянешься? Невеста темного? И венчание в храме светлых? Давненько я такого бреда не слышал! – раздался все тот же голос, обладателя которого я про себя окрестила Гектором.

– Моя невеста не темная, – неожиданно поддержал меня мой «жених». – Она самая что ни на есть светлая. Кэролайн Лавронс. Надеюсь, это имя вам знакомо? А я истинный темный Дэймон Райос, страж и ее жених.

И тут в рядах противников случилось что-то странное. До моего уха долетел шепот «тот самый страж» и «император повелел», а потом... тишина.

Я задергалась, пытаюсь вывернуться.

– Стоять сможешь? – спросил темный.

У меня уже кружилась голова, пульс набатом отдавался в висках – да я бы сказала, что смогу не только стоять, но и станцевать канкан, лишь бы меня вернули в нормальное для человека положение.

Дэймон опустил меня. Голые ноги коснулись каменной кладки, в ступни впились мелкие осколки. Перед глазами все еще плыли разноцветные круги, но ком тошноты, подступавший к горлу, исчез. Я была пьяна от ощущений. Снова стояла на ногах, осознала стылый холод. Могла повернуть голову. Чувствовала тело. Пусть не свое собственное... или уже мое?

– Где они? – спросила я, зябко кутаясь в плащ, который поначалу приняла за шкуру.

– Эти, в отличие от монахинь, оказались более понятливыми. Ушли, – буднично ответил брюнет.

– Просто услышали твое имя – и ушли? – не поверила я.

– Наши имена. И твою клятву.

– При чем здесь имена, клятва и...

– И давай поторопись. Мне еще нужно найти того, кто сегодня обвенчает нас.

Я поджала одну ногу. За столь короткое время обе они успели замерзнуть, и я почти не чувствовала ступней. Эйфория от осознания того, что я снова могу ходить, постепенно спадала. Я огляделась. Стылая голая земля, кое-где прикрытая первой снежной крупой, нагие деревья, свинцовое небо – все указывало на ту пору осени, когда люди уже начинают мечтать о зиме.

В голове роилась тысяча вопросов, но я задала главный:

– Как только мы поженимся, ты убьешь меня?

Я смотрела темному прямо в глаза. Твердо, уверенно, готовясь услышать «да».

Брюнет криво усмехнулся:

– Нет. Пока не предстану с тобой пред взорами владыки и твоего императора, это для меня непозволительная роскошь.

Что ж, хоть какая-то передышка. Надеюсь только, что аудиенция с местными монархами состоится не через пять минут после свадьбы.

– И не вздумай второй раз потерять сознание. Это уже не поможет. Мы не обвенчались лишь потому, что женщина не в силах сочетать узамы брака, будь она хоть трижды пресветлой. Тут монахиня не солгала.

– То есть спрашивать моего согласия совсем не обязательно? Достаточно наличия тела?

Ответом мне послужил убийственный взгляд, но потом брюнет все же расщедрился на пояснение:

– Живого тела. На мертвом брачный браслет не застегнется.

– А-а-а... – начала было я.

– Слушай, – перебил «жених», – откуда ты такая разговорчивая взялась?

– Тебе и правда интересно? – Я изогнула бровь.

– Нет, – процедил брюнет. – Это был риторический вопрос. А теперь пошли.

На пороге храма возник тот самый юноша, что держал кинжал у шеи монахини.

– Мессир? – Он выглядел слегка озадаченным.

– Ойс, возвращайся в Лононер. Твоя помощь больше не понадобится. А мне придется немного задержаться.

Парень коротко кивнул и исчез за дверью храма.

Темный схватил меня за руку и, развернувшись, потащил за собой, правда, недалеко. Буквально через пару шагов я вскрикнула от боли: осколок впился в ступню, которая, казалось бы, ничего не ощущала. Ан нет, когда кожу рассекла острая грань, я убедилась, что все в этом мире относительно. В том числе и степень обморожения.

Видя, что я заскакала на одной ноге, брюнет процедил: «Да чтоб тебя» – и уже собрался подхватить на руки, как я заорала:

– Только не вниз головой!

– Зато так будет быстрее, – с убийственной мужской логикой возразил этот чернокнижный тип. – И к тому же одна рука свободна.

Меня тут же подхватили и потащили в лучших традициях первобытных охотников, когда добычу перекидывали через плечо и волокли в пещеру. Хорошо хоть, не оглушили дубиной по темечку. А то с этого «жениха» станется. Для убыстрения процесса, так сказать, чтобы ноша не дергалась.

В итоге я опять повисла вниз головой. Правда, на этот раз моему взору предстал не каменный пол, а схваченная морозом голая земля. Опять замутило, и я начала мечтать об успокоительном. Об успокоительном и патронах к нему.

Раздавшийся резкий свист заставил вздрогнуть. А потом меня посадили. На что именно – сообразила не сразу. А когда увидела...

– Держись за меня крепче, иначе упадешь и разобьешься.

Я тут же ухватилась за брюнета. Еще бы. Когда оказываешься верхом на метле, которая, едва ее оседлали, резво взмывает вверх, в темного мага не то что руками вцепишься, еще и зубами в спину вопьешься для верности.

Я бы, может, так и сделала, если бы не была занята... Я орала.

Делала я это вдохновенно и с полной самоотдачей. Жаль, недолго. И пяти минут не прошло, как брюнету мое сопрано надоело, а может, он решил, что контузия – это не то, что он хотел бы занять в ближайшее время... Так или иначе, но брюнетистый тип взмахнул рукой, что-то выкрикнув, и я заглохла. Совсем. Сколько ни пыталась издать хоть звук – все впустую.

Орать беззвучно было неинтересно, потому я сосредоточилась на том, чтобы не грохнуться. А если учесть, что я и самолетов-то побаивалась, вернее, летать на оных, то... В общем, как-то не так, наверное, положено сидеть на этих метлах. Ну или хотя бы не обвивать талию «водителя» не только руками, но и ногами.

В таком положении у меня быстро все затекло. В первую очередь – хватательные конечности, которые я по приземлении не смогла разжать. В результате некромант и вообще грозный маг слез с метлы вместе со мной. Причем я исполняла роль рюкзака с сильно спущенными ляжками и болталась в районе чернокнижниковых ягодичек.

Обзор был, конечно, неважнецкий, но, судя по всему, мы оказались на небольшой площади какого-то городка.

– Лэрисса Лавр... – раздраженно начал темный и осекся. – Лада, слезь с меня.

Я не смогла ответить по той простой причине, что на мне все еще было заклятие немоты.

Темный сообразил и щелкнул пальцами. Фух, словно кляп изо рта вынул.

– Не шма-гу. – Четкости речи мешало то, что у меня зуб на зуб не попадал, да и вообще я слегка закоченела. Так, самую малость, всего лишь до состояния ВИП-клиента криокамеры.

– Ну слово «да» ты сможешь сказать?

Я тут же сообразила, что для церемонии все же нужно мое согласие и этот темный тип у входа в храм соврал, а точнее, недоговорил. Выходит, брак не состоялся не только по причине того, что на роль священника монахиня не подходила. Не зря я в обморок упала, ох, не зря.

– Не ш-шнаю, – прошепелявила я.

Чернокнижник заскрежетал зубами:

– Слушай, чокнутая. Еще удар колокола назад я мечтал добиться заключения брака. А вот сейчас я мечтаю об одном: добить. Добить одну чересчур говорливую светлую.

– Слушай, если на тебя так супружеская жизнь действует, может, лучше ну ее? – внесла я рацпредложение.

Но нет, этот странный тип не внял моему предложению. Он устремился к своей цели, как бабка при виде свободного места в общественном транспорте, решительно, наплевав, что за плечами у нее увесистый «багаж».

– А куда мы? – начиная немного согреваться, спросила я, все так же обвивая колдуна.

На нас глазели, тыкали дрожащими указательными пальцами, шептались. Но мне было плевать.

Зато одежде горожан, да и в целом обстановке городка я уделила пристальное внимание. Все вокруг говорило, что я угодила не в дикое Средневековье: рыцари в латах по улицам толпами не шлялись, дамы далматики с рукавами до запястий и покрывал не носили. В ходу у мужчин здесь были колеты, а у местных фрау – платья в пол. М-да, не наш двадцать первый век джинсов и кроссовок, не наш...

– В ратушу. Там точно нас обвенчают, – соизволил ответить темный.

Надо ли говорить, что внутри оной мы оказались в считанные минуты. Темный рыкнул:

– Градоначальника!

Служащий в суконном кафтане, еще совсем парнишка, так и подорвался с места. Его старт был столь стремительным, что слетел форменный картуз. А крик: «Спасайтесь! Те-о-омный!» – еще долго гулко звенел в коридоре.

– Так. Я не поняла, нас будут женить или нет? – с надеждой, что церемония все же отменится, поинтересовалась я, глядя в уже пустую темень коридора.

– Будут, – уверенно ответил темный.

– А может...

– Еще одно слово – и я тебя упокою.

– Может, успокою? – тихо решила уточнить я.

– Я что хотел, то и сказал. И слазь с меня уже, в конце концов, чудовище!

– Не могу... Руки не разжимаются.

Темный ничего не ответил, лишь выдохнул, словно пытаюсь успокоиться, а потом начал меня отдирать. Сначала магией, но она оказалась бессильна: я решительно не желала отдираться, зато плащ на чернокнижнике затрещал. Видать, нитки гнилые попались. Определенно нитки, а не потому, что мои пальцы впились в ткань железной хваткой.

– Слушай, ты, недоразумение, предупреждаю по-хорошему: отцепись!

– Слушай, ты, темный! Хватит на меня зубом цыкать. Я не могу руки разжать. Они у меня замерзли. Честно, замерзли. Я бы с радостью.

– И ноги замерзли? – подозрительно уточнил маг, глянув на мои посиневшие лодыжки.

– И ноги, – согласилась я. – А еще им страшно.

- Кому им? – не понял чернокнижник.
- Ногам. И рукам страшно. И мне всей тоже.

Больше я ничего не услышала. Зато почувствовала, как теплые сильные мозолистые руки коснулись моей кожи и по телу пробежала волна жара. Я смогла расцепить пальцы и наконец слезла с мага.

Как раз вовремя. Сначала в глубине коридора, а потом все ближе и ближе зазвучали шаги. Точнее, не шаги, а легкий галоп. К нам бежали наши «регистраторы». Надо сказать, что к церемонии они подготовились основательно: заряженные арбалеты, копья, перепуганные лица...

– Ч-ч-что извол-л-лит т-т-темный м-м-маг? – одновременно грозно и заискивающе уточнил толстяк, трясая двумя своими подбородками. Как у него получилось сочетать в одной интонации несочетаемое – ума не приложу. Но факт остается фактом.

- Изволит, чтобы его с его невестой обвенчали.

При этих словах на пол упал кошель. Глухой удар подтвердил: мешочек весьма тяжел и почти полон. Толстяк проводил его внимательным взглядом, сглотнул и... Жадность поборола страх. На лице любителя поесть тут же расцвела улыбка, и он залебезил:

– Ну что же вы сразу не сказали, господин темнейший... Я, градоначальник приграничного Майрика, с большим удовольствием... – Он сам же оборвал себя вопросом: – Когда изволите провести церемонию?

- Здесь и сейчас. Начинайте.

Градоначальник закашлялся. Я невольно попятилась.

– Дорогая, ты куда? – столь сладким голосом спросил темный, что я прямо почувствовала, как в крови поднялся уровень глюкозы.

Замерла как мышь перед удавом.

– У меня... предсвадебный мандраж, – сглотнув, выпалила я. – И вообще, я в свадьбах еще неопытная, я их боюсь.

Говорить о том, что этих церемоний повидала в объектив камеры столько, сколько темному и в кошмаре не приснится, я не стала.

Зато градоначальник, то ли недослышав, то ли с перепугу, уловил только «неопытная» и поспешил заверить, что это дело легко поправимое и после первого раза проходит.

Тут уже нервно дернул глазом чернокнижник, которому и одной свадьбы было выше крыши.

- Начинайте уже, – буркнул Дэймон сквозь зубы. – Брачные браслеты – вот.

И он показал два витых украшения, изображавших змей, кусающих свои хвосты.

Вид золотых наручней испортил мое плохое настроение окончательно, поскольку я поняла: в этот раз не отвертеться. Или...

Глава 2

«Или» не случилось. Темный лишь назвал имена – Дэймон Райос и Кэролайн Лавронс, как стража выдохнула. Даже наконечники стрел перестали угрожающе трепетать, и арбалеты опустились вниз.

Градоначальник, лихо оттарабанив вступительную часть про быстротечность времени, про то, какое большое сокровище любовь, про то, что молодожены – два хрупких сосуда, спустя полминуты перешел к главному вопросу: согласны ли мы, собственно, вступить в брак?

Толстячок ни разу не сбился, хотя тараторил так, что Тина Канделаки от зависти язык могла проглотить. Да уж... У местного городского главы не просто рука на свадьбы набита, такое ощущение, что он темных магов каждый день пачками женит, как на конвейере. Или просто нашему регистратору дюже захотелось денег?

Скорее второе. Поскольку, когда жених ответил «да» и взоры всех присутствующих переместились на меня, а я на миг застыла в немом молчании, этот городской шельма хлопнул в ладоши и громко возвестил:

– Дорогая невеста онемела от восторга, но я по глазам вижу, что она согласна. Ведь так, лэрисса Лавронс? Просто кивните.

Даже кивать мне не хотелось. Решительно не хотелось. Но темный щелкнул пальцами, выдохнув столь тихо, что я едва слышала: «Эрастис!» – и в носу начало нещадно щипать. Я оглушительно чихнула.

На лице градоначальника расцвела такая фальшивая улыбка, словно он купил ее на «Али-экспресс». А вот чернокнижник радости не источал, он был занят делом – ловко окольцов... в смысле обраслечивал меня. Буквально секунда – и на моем запястье сомкнулась застежка: золотая змея накрепко впиалась в свой хвост.

Я опустила взгляд: на руке темного красовался такой же браслет, только более массивный.

Градоначальник, с облегчением выдохнув, провозгласил, что на территории Светлой империи появилась еще одна семья, зажегся новый очаг...

Но тут главу местного городка перебил чернокнижник, нагло заявив, что достаточно будет записи в зачарованной книге ратуши. Толстяк спохватился, схватил себя за горло, словно испытал приступ удушья. Но нет, он всего лишь нащупал на шее шнурок и, выудив его из выреза рубахи, сжал в руках какую-то висюльку. Воздух перед градоначальником озарился светом, и появилась книга с лежащим между страниц пером.

Как я позже узнала, это было перо огненного грифона. Записи, сделанные им, не поддаются влиянию чар, и их не подделать.

Пока же я лишь наблюдала, как градоначальник, диктуя сам себе, выводит строчки: «Пятнадцатого числа месяца полужимника сочетались браком пресветлая лэрисса Кэролайн Лавронс и темный маг, страж Дэймон Райос». И под это бормотание толстяка я поняла: вот теперь я точно влипла!

Едва градоначальник захлопнул книгу, чернокнижник пнул кошель с деньгами в его сторону, а затем, не говоря ни слова, в своей излюбленной манере перекинул меня через плечо и понес вон из ратуши.

Я взвыла:

– Ты добился своего, женился. Теперь-то хотя бы можно не тащить меня вниз головой?

– Можно, – покладисто согласился темный. – Но тогда ты либо отморозишь ноги, либо рассечешь ступни. А скорее всего – и то и другое. Нет, перед владыкой ты должна предстать живой и желательно невредимой.

Чернокнижник вскинул голову и взглянул на небо, потом на горизонт, где маячили горные пики, и пробормотал себе под нос:

– Надвигается снегопад. Но должны успеть.

Куда успеть, зачем и почему – уточнить не смогла. Меня вновь посадили на метлу. На этот раз чернокнижник, наученный горьким опытом, поместил меня перед собой. Выяснилось, что у темного руки не только сильные, но и длинные, потому что он с легкостью обнял меня и схватился за черенок метлы ровно перед моими руками.

Я оказалась притиснута к Дэймону.

– Пригнись, обзор закрываешь, – процедил он.

А я что? Я ничего! Сгорбилась, как могла, и вообще стала тихой мышкой на полставки.

То ли сейчас я сидела боком и мои ноги были закрыты полами плаща, то ли меня грели руки чернокнижника и его дыхание, но в ледышку я превратилась лишь частично.

Уже совсем смеркалось, когда меж заснеженных горных вершин показался замок – мрачный, величественный. Создавалось впечатление, что острыми шпильями сторожевых башен он пропарывал брюхатые снегом облака.

Мы пошли на снижение. Внизу во дворе замка кто-то закричал, замахал руками. Я напряглась, ожидая, что через мгновение появится группа поддержки с факелами, копьями и стрелами. Но нет. Это просто слуги приветствовали своего хозяина.

Едва метла остановилась, моего уха коснулись губы чернокнижника. Я вздрогнула.

– Для всех ты благородная Кэролайн Лавронс, дочь второго паладина империи светлых, и никак иначе. Ясно?

– Д-да, – лягнула зубами я. Видимо, все же основательно замерзла.

Мелькнула мысль, что вполне можно после таких перелетов схватить воспаление легких. Но додумать ее я не успела. Темный уже спешился и уверенным шагом пошел к парадному крыльцу. Одна несчастная новобрачная так и осталась сидеть на метле.

Маг уже преодолел половину лестницы, когда его догнал мой окрик:

– Эй, а как же я?!

– Кто-то, кажется, хотел прогуляться пешком...

– Но не босиком же по снегу?

Я выразительно оглядела двор, запорошенный холодной белой крупой.

Темный выдохнул, будто пытаясь успокоиться, и, развернувшись, пошел ко мне. Не говоря ни слова, закинул к себе на плечо и потащил. Я уже не протестовала. Глядишь, еще чуть-чуть – и совсем привыкну к такому способу транспортировки.

Внутри замок оказался едва ли не больше, чем выглядел снаружи: огромные залы, высокие потолки, утопающие в сумраке... И холод. Не такой, как снаружи. Нет. Здесь гулял холод глухой тоски и одиночества.

Меня поставили на ковер рядом с разожженным камином. Я непроизвольно потянулась к теплу. Маг сел в кресло и принялся безмолвно наблюдать за мной. Плевать. Пусть хоть глаза об меня сломают. Главное – согреться.

Но едва я почувствовала, что я все же больше человек, чем клиент патологоанатома, как прозвучало хлесткое, словно удар кнута, требование:

– А теперь ты мне подробно расскажешь, кто ты, как умерла и откуда тебя притащили эти две прохиндейки.

Что именно за прохиндейки, магу уточнять не требовалось. И рыжая, и костлявая врезались мне в память.

– Расскажу, куда же я денусь. Как нужно, в подробностях или кратко?

Я повертела головой, нашла взглядом кресло, стоявшее почти за моей спиной, и под хмыканье темного забралась в него с ногами.

– Можно кратко, – разрешил темный.

Уперев руку в подлокотник, он смотрел на меня так, словно прикидывал размер могильной плиты.

– Меня, как ты выразился, «притащили» издалека. – Выкатать после всего, что между нами случилось, мне показалось излишним.

– Огненные земли? – тут же уточнил темный.

– Нет. Наверное, все же чуть дальше, хотя я понятия не имею, где эти земли находятся. – Я закутала руки в складки плаща, стараясь сберечь тепло. – Судя по всему, я из другого мира...

Повисла пауза. Нехорошая такая, с матерным душком, я бы сказала.

– То есть как из другого? – наконец совладал с собой темный, осознав, что ему в мешке подсунули даже не кота, а какую-то заморскую игуану. – И из какого же?

Я призадумалась: как объяснить магу в двух словах, откуда я, если я сама толком не знала, считая свой мир единственным на всю вселенную?

– Из мира, где вместо магии – вай-фай, а в воздух поднимаются не на метле, а за счет работы турбин и подъемной силы крыла...

– Крыла? У вас есть драконы? – Темный посмотрел на меня с прищуром.

– Нет. Только второй закон Ньютона, на нем и летаем. Как вверх, так и вниз.

– Вниз можно улететь и без всяких законов. Просто свалиться с метлы, – заметил чернокнижник.

Со знанием дела заметил, будто не раз сам лично ронялся со своей леталки на землю.

Я усмехнулась, подумав, что наш разговор уходит куда-то не туда, а потом поняла: да этот гад просто прощупывает меня. Не получив внятного ответа на прямой вопрос, он пытается ослабить мою бдительность. Наверняка чтобы спустя какое-то время снова спросить о том, откуда я такая взялась.

Не ошиблась.

– И все же откуда ты? Сколько тебе лет? Как умерла? – Тон был уже иной. Не командирский, а словно собеседник зверски устал, но держится из последних сил.

Я внимательнее посмотрела на мага: темные волосы, правильные черты лица. И круги под глазами, точно он не спал несколько суток подряд.

– А сколько тебе? – задала я встречный вопрос.

– Сколько дашь... – не спрашивая, а будто оборвав фразу на середине, ответил маг. Так и просилось окончание: «...столько и будет».

– Если я скажу правду, то ты обидишься.

– Ну, тогда соври, – усмехнулся темный.

– Чтобы врать, у меня нет вдохновения, – устало выдохнула я, – и сил.

– Ну, уже хорошо, что хотя бы лгать умеешь. У нас в Темных землях без этого никуда. Жаль, что только по вдохновению и когда не ленишься.

Не ленишься? Ах вот как?!

– Ты уже не наливное яблочко, но пока еще и не засохший огрызок...

– Прости? – Чернокнижник даже кашлянул.

– Я про твой возраст... – невинно пояснила я. И, видя, как Дэймон прищурил глаз, решила не доводить до ссоры и миролюбиво добавила: – Но не переживай. Мне вот тоже двадцать шесть.

Мой взгляд упал на женскую, ныне тонкую изящную руку, и я уточнила:

– В душе.

– Я уже понял, что не в теле, – сухо парировал темный. – Настоящей Кэролайн Лавронс только исполнилось восемнадцать. Отец берег ее целомудрие даже от светлых. Она ни разу не бывала при дворе императора, а всех кандидатов в мужья ее отец разворачивал. Зато лэррисса Кэролайн отличалась особой набожностью, благо было в кого. А уж когда лэр Лавронс узнал,

что император повелел выдать ее замуж за темного... Посчитал, что монастырь для его дочери предпочтительнее, чем жизнь в скверне с чернокнижником.

Я слушала внимательно. Очень внимательно, поскольку уже поняла: мой собеседник дважды повторять не привык.

– К чему это я рассказываю? Чтобы ты знала, какой должна будешь предстать перед темным владыкой: кроткой, тихой, покорной...

– Дурой, – подхватила я. – Согласиться замуровать себя заживо в каменном мешке, именуемом монастырем, лишь потому, что в отце выграла спесь, – это не от большого ума.

Да, я ничего не знала об этом мире. И кто такие чернокнижники, представляла весьма смутно. Но передо мной были самые упрямые в мире вещи – факты.

По ним выходило, что отец упрятал дочь в монастырь, где ее убили. Фактически смерть медленная, отсроченная на пару десятков лет, проведенных в келье, просто сменилась смертью быстрой.

А вот спас, вернее, попытался спасти эту Кэролайн как раз тот, кто был страшнее монастыря. Ну не получилось у мужика вернуть душу... Но он приложил немало сил, чтобы вдохнуть в эту девицу жизнь.

К тому же сидевший передо мной чернокнижник оказался не так страшен: его лицо не было изуродовано шрамами, да и характер, насколько я успела убедиться, хоть и скверный, но встречается и похуже.

Меня изучали пристальным взглядом. Я сбилась со счета, каким уже за последний вечер.

– Что ж... В чем-то мне даже повезло, – с расстановкой проговорил Дэймон.

Я вскинула бровь.

– У тебя хотя бы есть голова на плечах. Жаль, что при этом ты абсолютно ничего не знаешь о нашем мире.

– Скажи... А если моя душа в теле Кэролайн, то у себя я... – я резко сменила тему, задав вопрос, мучивший меня все то время, что я жила и дышала здесь.

– Умерла. Тело не может существовать без души дольше четверти удара колокола. Именно поэтому я, обнаружив... – он на мгновение замолчал, словно подбирая слова, – тебя бездыханной, не тратил времени на то, чтобы найти подходящее место для призыва. Раскинул пентаграмму прямо посреди храма.

Я четко осознала: мне некуда возвращаться. Рыжая и костлявая обманом вытащили мою душу из тела, и там, на кровати, осталась уже мертвая Ада.

– Чувствую, этот обряд дорого тебе стоил, – первой заговорила я и поежилась.

Дрова в камине почти прогорели, и стало заметно холоднее. Или это я начала заболеть?

– Десять лет жизни, – сухо уточнил Дэймон. – Но я отдал бы и больше за возможность избежать войны.

– Войны?

– Не уверен, что тебе стоит об этом знать и забивать голову...

– Стоит. Знаешь, я тут резко поняла, что очень хочу жить.

– Отрадно слышать. Может, ты будешь осторожнее, чем лэрисса Лавронс, и тебя не убьют до представления императору.

– Почему так важно появиться перед взором твоего владыки?

– Владык. Я подчиняюсь лишь моему темному властелину. А ты – обоим. По рождению – светлому, а выйдя за меня замуж – и темному. Я должен представить тебя двору как свою жену и наследницу земель Лавронсов.

В моей голове из разрозненных фактов о «войне», «наследнице», «но я отдал бы и больше...» выросло осознание, что я угодила в какой-то крупный политический переплет, где юная Кэролайн – пешка.

– А...

– Давай завтра. Сегодня я смертельно устал. Главное, убедился, что ты вроде бы не сумасшедшая и не самоубийца.

Я, вспомнив шизофреническую белочку, не была так уверена в первой своей характеристике.

Между тем чернокнижник продолжил:

– Здесь, в моем замке, ты в относительной безопасности. Внутри нет живых слуг. Но на улицу выходить все же не советую. Там есть кого подкупить не деньгами, так страхом.

Я нервно икнула, запоздало сообразив, что мы до сих пор одни и к нам даже не подошел ни один из слуг. И только успела об этом подумать, как из стены выплыл призрак.

Я завизжала. Бешеным тушканчиком стартанула с кресла и в один прыжок оказалась висящей на шее у того единственного в зале, кто в этих самых призраках разбирался. Я бы и за спину чернокнижнику спряталась, если бы тот не сидел в кресле.

– Ик! – ошалело выдала я, а потом все же совладала с членораздельной речью: – Привидение!

– Дор-р-рогая, – пытаюсь расцепить мои руки на своей шее, просипел темный, – это всего лишь Гринро. Отпусти.

Я чуть ослабила хватку.

– Добрый вечер, мессир. Прошу прощения, я не хотел напугать вашу спут... э-э-э... – Тут его блеклый полупрозрачный взгляд упал на мое оголившееся запястье, и он полувопросительно закончил: – Супругу?

– Она светлая, это нормальная реакция, – сказал маг и, уже обращаясь ко мне, добавил: – Гринро не какое-то привидение, он лич и управляющий замком.

– Ты же сказал, что тут нет живых слуг, – ошарашенно отозвалась я.

– Но я ничего не говорил про мертвых, – невозмутимо ответил брютет.

– А еду тебе тоже мертвые готовят? – слотнула я.

– Да, – отчего-то озадачился Дэймон.

При упоминании о съестном у меня в животе заурчало, рот наполнился слюной, и мне стало абсолютно плевать на какого-то там оскорбившегося лича, которого я обозвала привидением. Мне хотелось есть. Желательно горячего. И как следует согреться. А еще – супчика, и чтобы в нем помимо воды имелись обязательно имбирь, гвоздика, корица, сахар и вино.

Кажется, последнее я сказала вслух, потому как лица и чернокнижника, и призрака вытянулись.

– Кхм, – кашлянул призрак, – однако интересный у светлых рецепт супа.

Я лишь пожалала плечами: поздно пытаться поймать свои слова обратно, если их уже услышали. Это все равно что утверждать, что ты не беременна, когда уже вовсю идут схватки. И в конце-то концов, я действительно хотела горячего.

Мне не восемнадцать, и я уже давно вступила в тот возраст, когда у женщин появляются не только первые морщины, но и первые мозги. Оттого понимала, что если я сейчас как следует не согреюсь, то схвачу простуду.

В подтверждение этих мыслей в носу нестерпимо защипало, и я оглушительно чихнула.

– Пошли на кухню готовить твой супчик... – хмыкнул Дэймон. – Я тоже основательно промерз и устал. А вино и мясо лучше всего восполняют силы.

Я слезла с кресла и, собственно, с чернокнижника, сидевшего в оном. Пятки тут же укусила холод камня. Поморщилась и переступила с ноги на ногу.

Брютет, видя это, устало приказал:

– Гринро, принеси лэриссе обувь, чтобы она не мерзла. А потом приготовь горячую ванну.

– Одну? – педантично уточнил призрачный слуга.

– Две! – синхронно отозвались мы с темным и переглянулись.

Призрак тут же исчез в стене, бормоча себе под нос: «Всегда же одну на двоих требовал... А как женился...»

Впрочем, вернулся лич быстро, и передо мной появились тапочки. Розовые. С помпончиками. Маленькие, аккуратные. И явно не Дэймона.

– Я позволил себе взять их у Милериссы. Хотя она оставила их у вас в замке исключительно для себя на случай, если заночует... Но других по размеру ноги вашей супруги просто не было.

М-да, в тапках любовниц мне ходить еще не доводилось. Но привередничать не стала. Подумаешь! Зато тепло и удобно.

В черном меховом плаще на голое тело и в розовых тапочках я пошла вслед за черно-книжником на его кухню. Надо сказать, она впечатляла хотя бы тем, что там были самые настоящие колонны. Пусть всего несколько, но они подпирали высокий потолок. Кухня была белая, с добротными столами из обтесанных досок. Она казалась теплой и, несмотря на большой размер, какой-то... уютной. А наличие проточной горячей и холодной воды и вертел, что сам собой вращался над огнем, заставили меня возрадоваться. Хотя, возможно, если бы этот самый вертел крутился над пламенем без насаженного на него цыпленка, то и радость моя была бы куда меньше.

Хозяин замка собственноручно достал хлеб, снял с огня жареную птицу и разрезал ее на несколько частей. А потом жестом фокусника извлек из стоявшей на лавке корзины бутылку с вином и колотый сахар.

– Что ты там говорила о супе? – Он вопросительно взглянул на меня.

Пройдясь взглядом по полкам, я нашла металлический ковш. Он был слегка великоват, но и я перфекционизмом во всем, что не касалось фотосъемок, не страдала. Ковш был водружен на огонь, и я приступила к священнодействию над глинтвейном, стребовав с хмурого черно-книжника еще и приправы.

Когда все было готово и я разлила дымящийся напиток по кружкам, то удостоилась от черно-книжника взгляда, полного сомнения.

– За вкус не ручаюсь, но горячо будет, – заверила я оптимистично и отхлебнула первой.

Ну что я могу сказать... Тем, кто пробовал перец чили вместе с васаби, бояться нечего. А вот темный, похоже, не пробовал.

– Учту, что тебе нельзя доверять варить не то что зелья, даже суп, – прокашлявшись, выдохнул он.

– Ну зато ты не заболеешь... – попыталась утешить я.

– Я и так никогда не болею, – процедил темный. – Давай ешь гевейка и спать.

Моя рука, уже было потянувшаяся к предполагаемой курице, так и замерла.

– Гевейк? Я думала, это цыпленок.

– Если тебя это успокоит, он тоже был с крыльями и клювом.

Не то чтобы сии знания были мне жизненно необходимы, но голодному желудку оказалось плевать, гевейк это или курица.

Я впилась зубами в ножку, когда темный добавил:

– Правда, в Шумерлинской топи данная тварь попыталась меня убить, выстрелив ядовитыми перьями. Я посчитал, что съесть ее в ответ будет справедливо. – Брюнет испытующе посмотрел на меня.

– То-то я думаю, что мясо такое твердое. А оно, оказывается, за тобой долго бегало, прежде чем умереть.

Судя по всему, нужной от меня реакции Дэймон так и не дождался. Еще немного побурлил взглядом, а потом молча принялся за еду.

Когда с поздним ужином было покончено, из стены появился лич.

– Я провожу вас, лэрисса, в комнату.

Я обрадовалась: теплая ванна и спать – как раз то, что мне сейчас нужно. Эх, если бы я знала, насколько обидчив может быть этот полупрозрачный га... Привидение!

Глава 3

Ни о чем не подозревая, я потопала вслед за Гринро. Дух неторопливо плыл над ступенями лестницы. Когда же мы оказались в коридоре, он в полупоклоне остановился у одной из дверей.

– Прошу вас, лэрисса. Горячая ванна и постель уже готовы.

Я скосила глаза на лича. Тот был сама невозмутимость. Осторожно взялась за ручку двери. Толкнула, не спеша заходить. Ведро не упало, водой не облилась, и вообще все выглядело подозрительно спокойно.

– Приятной ночи, – пожелал мой провожатый и растворился в воздухе.

Я с опаской шагнула внутрь. Определенно, назвав это комнатой, Дэймон поскромничал. Посреди огромного зала стояла здоровенная кровать с великолепным балдахином на резных столбиках. Кресла, пюпитр для чтения, секретер – все свидетельствовало о том, что темный не бедствует. Но больше всего меня поразили балкон. Стеклянные двери высотой в три моих роста отделяли его от спальни. Через прозрачную преграду, по которой струилась бронзовая лоза, открывался поистине фантастический вид на погруженную в вечерний сумрак долину.

К спальне примыкала туалетная комната. Посреди нее находилась огромная мраморная ванна на львиных лапах. От воды шел пар. Рядом на тумбе лежали полотенца и халат.

Я закрыла массивную дверь на щеколду и, раздевшись, залезла в воду. Едва не зашипела – так показалось горячо. Но потом тело привыкло, и я поняла, что понежиться в почти обжигающей воде – это именно то, чего мне не хватало для полного счастья.

Вдоволь наплескавшись, завернула волосы в полотенце и надела халат. Правда, он оказался мне длинноват: подол волочился по полу. Зато он был теплым и уютным.

Открыла дверь... Хм. Странно. Когда я сюда вошла – горели свечи и в камине полыхал огонь. Сейчас же комната тонула во мраке. Лишь светильник под потолком туалетной комнаты мягко касался тьмы за дверью. Если не потороплюсь, то и он прогорит. И придется мне блуждать в темноте в поисках кровати. А с учетом местности этот процесс может затянуться до утра.

Я устремила к балдахинному плацдарму. Когда до возделенной посадочной площадки оставалось всего ничего, свет погас. В итоге я почти успела до того, как огонек в светильнике скончался. Добралась до края кровати и на ощупь отдернула одеяло. Легла, укрывшись им, и словно провалилась в мягкий теплый сугроб. Сон навалился на меня мгновенно, напроць вытеснив из головы все мысли.

Пробудилась я от стука. Настойчивого стука в стекло, от которого дрожало все вокруг.

Сонно приоткрыла один глаз и увидела полоску солнца на белой простыне. Похоже, что наступило утро. Судя по ощущениям – наступило оно на меня.

Дзинь! Дзинь!

Казалось, еще один удар – и я услышу, как на пол посыплется тысяча осколков.

Я села на кровати, с невероятным усилием распахнула глаза и... И заорала. Лобастая оскалившаяся морда стояла на балконе, щерила на меня клыки и показывала раздвоенный язык. Но хуже того, к морде прилагалось тело – мощное, в отметилах застарелых рубцов и шрамов, со здоровенными кожистыми крыльями. Лапы с длинными черными загнутыми когтями внушали лишь одну мысль: меня разделают такими за секунду.

Не переставая орать, я буквально взвилась на постели, утянув за собой немаленькое одеяло. Кубарем покатила на противоположный край перины, прошла бешеным бегемотом по чьим-то ногам и сиганула на пол, под прикрытие кровати.

И только закрыв рот, я поняла, что в спальне воцарилась звенящая тишина. Больше никто не скребся в стекло, зато одеяло, которое я успела намотать на себя, как гусеница – кокон, сейчас кто-то настойчиво пытался отобрать.

Я подняла голову и узрела темного. И ладно бы одетого, хотя бы частично. Этот тип предстал передо мной в знаменитом костюме Адама, только без фигового листочка.

– Ты? – выдохнул брюнет, все еще держа в руках одеяло. – Откуда ты вообще здесь взялась? В моей спальне? Я же вчера, как зашел, дверь закрыл и зачаровал, прежде чем отруб... уснуть.

Несмотря на то что смотрела на него снизу вверх, я пошла в наступление. Выпростав из одеяла руку, я демонстративно ткнула пальцем в пространство со словами:

– Вообще-то это моя комната. Меня сюда твой Гринро привел!

Темный отпустил одеяло и скрестил руки на груди. Кажется, нагота его ничуть не смущала. Но и я не была невинной девицей, краснеющей при виде обнаженных тел. Как-никак и в стиле ню приходилось снимать. Поэтому тоже плевать хотела на этого недоделанного Аполлона Бельведерского. И на его заявление: «Вон из моей спальни!» – тоже плевала. Причем трижды.

– Слушай, иди-ка ты сам из МОЕЙ спальни. – Я наконец встала с пола, хотя укутанной в одеяло сделать это было нелегко.

В комнате резко потемнело и похолодало. А взгляд у чернокнижника стал таким, будто он решил меня им без криокамеры сохранить для будущих потомков.

И тут в стекло деликатно поскребли коготком. Чернокнижник махнул рукой, створки распахнулись, впустив в спальню мороз и ветер. Визитер тут же переступил порог и аккуратно затворил двери, помогая себе не только лапами, но и хвостом. Обернувшись к чернокнижнику, он чуть заискивающе уточнил:

– Мессир, может, мне попозже залететь, когда вы ее убьете?

В ответ Дэймон только глянул на летуна. Тот нервно переступил лапами и... И тут его глаза округлились и едва не выпали из орбит: он увидел на запястье чернокнижника браслет.

– Мессир... Вам можно посочувствовать? Вы все же женились на той светлой?

– Да. – Чернокнижник, поняв, что одеяло я так просто из рук не выпущу, потянулся за своей одеждой, что лежала на стуле недалеко от изголовья кровати. То, с чем не справились смущение и стыд (по той причине, что оных у Дэймона попросту не было), с легкостью удалось банальному холоду, ворвавшемуся в спальню. Темный таки решил прикрыться.

– Ты еще здесь? – обернулся ко мне чернокнижник. – Я же сказал, уйди!

– Куда и в чем? – Одеяло сползло к моим ногам. Я осталась в халате, растрепанная и злая, как ведьма. – Разгуливать босой и голодной по замку, кишашему склеротичными привидениями, которые не помнят, где покои хозяина, а где – гостей, я не собираюсь.

– Тут еще есть зомби и умертвия, – натягивая через голову рубашку, злорадно отозвался чернокнижник.

Я не подала вида, что сказанное меня удивило. Улыбнулась, сделала выводы и прикинула, чем эффективнее всего убивать чернокнижников.

Наверное, на моем лице отразилось нечто такое, отчего крылатый гость нервно сглотнул и тихо спросил:

– Мессир, а вы точно уверены, что вам в жены подсунули светлую? У нее такой взгляд... Подобный был у верховной ведьмы, когда она недавно пообещала пожирателю смерти лично его прикончить. Я сам видел...

– Но ведь пожиратель все еще жив? – как само собой разумеющееся уточнил чернокнижник, натягивая сапог.

– Ну как вам сказать... Почти... – осторожно ответил летун и бочком-бочком начал придвигаться к двери. Не иначе, чтобы дать деру.

– Стоять! – увидев маневр гостя, рыкнул Дэймон. – Рух, ты зачем ломился ко мне в спальню в столь ранний час? Не поверю, что чтобы пожелать мне приятного утра и отличного дня. Вам, горгулам, вроде бы подобная дурость не свойственна – с утра без повода вламываться к темным магам.

Визитер поджал губы и дернул похожим на лопух и лишь чуть заостренным кверху ухом.
– Вы, как всегда, проникательны, мессир. Меня прислал к вам капитан пограничного гарнизона. Ночью в одной из деревень вспыхнул мятеж. Его подавили, но...

– Передай Таргусу, что лично буду вести допрос зачинщиков, – жестко перебил чернокнижник.

– Да, мессир. – Крылатый склонил голову.

– У тебя что-то еще?

– Нет. Позвольте удалиться.

Темный кивнул, и Рух поспешил ретироваться. Даже стеклянные дверки вежливо и аккуратно после себя закрыл.

Во время этого короткого диалога я так и стояла посреди комнаты. Отмерла только тогда, когда горгуль улетел, и тут же удостоилась тяжелого взгляда чернокнижника.

– Больше. Никогда. Не перечь мне. При свидетелях, – отчеканил он.

Я сглотнула и кивнула:

– Хорошо.

А потом увидела, как маска холодного и решительного темного мага слетела с Дэймона. Он протер лицо ладонями, будто умываясь, и устало произнес:

– Это и есть та причина, по которой владыка приказал мне взять тебя в жены.

– Я не совсем уловила связь между свадьбой и восстанием, – осторожно начала я. – Может, если ты мне объяснишь, в чем, собственно, дело...

– Просто изображай в течение пары седмиц юную покорную деву, и все, – вместо ответа потребовал темный.

– Я не умею делать две вещи на голодный желудок: быть покорной и худеть. А сейчас я жутко голодна... – Я чуть склонила голову и скрестила руки на груди.

Не знаю, чего ожидал от настоящей Кэролайн этот темный, но я всегда считала, что если хочешь добиться чего-то, то нужно уметь договариваться. А еще – понимать намеки.

Судя по моему недолгому опыту общения с чернокнижником, к первому он был не склонен категорически. Интересно, как обстоит дело со вторым?

Темный не был бы темным, если бы не понял того, что я не только недосказала, но даже еще и недодумала.

– Обычно женщины требуют украшений, денег, внимания, услуг... Но первый раз я встречаю согласие в обмен на сочный кусок буженины. Я так понимаю, что к завтраку должна прилагаться беседа? – Он вопросительно изогнул бровь.

– Ты удивительно понятлив. Расскажи мне, почему этот брак был так для тебя важен.

– Ведь не останешь, пока всего не узнаешь? – с какой-то обреченностью протянул темный.

– Видишь, мы всего ничего женаты, а отлично понимаем друг друга, – улыбнулась я.

Чернокнижник хмыкнул:

– И почему ты такая язва?

– У меня замечательный характер. Но я же не виновата, что у кого-то просто слабые нервы.

– Кэролайн... – он покатал это имя на языке, словно пробуя, примеряя его на меня.

Я чуть поежилась, словно на меня надели платье с чужого плеча. Но мне теперь его носить, если хочу жить, конечно. Между тем темный продолжил:

– Привыкай, что теперь тебя зовут именно так. И я заодно тоже постараюсь привыкнуть.

Так вот, Кэролайн, в двух словах этого не объяснишь, а я тороплюсь.

– Я поняла: восстание, допрос и прочие гадости жизни...

– Как вернусь, в общих чертах расскажу тебе, почему наш брак был так важен.

– Точно расскажешь? – тоном сварливой тещи уточнила я.

– Точно, – теряя терпение, прорычал Дэймон.

– Обещаешь? – не унималась я, доводя темного до состояния кипящего чайника.

– Достала! Клянусь первым уровнем Бездны... – после этих слов его руку на миг окутала тьма. – Надеюсь, клятвы будет достаточно, чтобы ты от меня отцепилась?

Я не знала тогда, что эта самая клятва про первый уровень, звучавшая столь весомо, на самом деле полная ерунда. Ее невыполнение грозит чернокнижнику разве что насморком или занозой. Первый уровень – самый слабый из ста... Но пока я не нашлась что сказать, а Дэймон, посчитав, что на этом разговор окончен, развернулся и ушел.

Я так и осталась стоять одна посреди спальни, с коконом из одеяла у ног. На горизонте занимался рассвет, окутывая густым туманом, словно муаром, лощину. А я наконец-то смогла в полной мере осознать, что же со мной произошло. Да, я в другом мире. Но главное – я могу снова сама ходить, чувствовать свое тело... Жить, а не существовать заживо погребенной в собственной постели, когда тело опутано системами и датчиками! И сейчас моя задача – выжить, не упустить второй шанс.

Я поднесла ладонь к лицу. Еще вчера заметила, что она тонкая и изящная, не знавшая грубой тяжелой работы, холеная. Такой была и вся Кэролайн. С пшеничными, чуть волнистыми волосами, длина которых позволяла закрыть ягодицы. С аккуратными ступнями и лодыжками. Невысокая, я бы даже сказала, миниатюрная. Полная противоположность чернокнижнику, чье тело было украшено шрамами и странными татуировками. Последние отчетливо врезались мне в память, когда Дэймон, встав с постели, показал себя во всей обнаженной красе. Особенно одна, занимавшая едва ли не всю спину, – черный ястреб, расправивший крылья.

Не знаю, сколько я так простояла бы, если бы не лич, выплывший из стены. Дух имел невероятно унылый вид.

– Жаль, что хозяин вчера был столь невнимателен, что не заметил вас, лэрисса... – в голосе полупрозрачного было столько сарказма, что его можно было черпать половником.

– А что произошло бы, случись у Дэймона приступ бодрости? – Я изогнула бровь.

– Вообще-то мы на это и рассчитывали. Даже ставки делали: просто нагишом он вас в коридор выставит или еще заклятием каким засветит, для науки, так сказать, чтобы знали свое место и в его покои носа не совали. Мессир ненавидит светлых. И то, что вы его жена, ничего не меняет.

– А если бы он поверил моим словам? Что это ты меня сюда привел?

– Я бы сказал, что это не так. И даже поклялся бы, что вы без моей помощи переступили порог его спальни. И не соврал бы ни словом: вы ведь сами взяли за ручку двери, сами явились сюда... И мессир поверил бы мне, ведь сила клятвы незыблема.

Я лишь поразилась тому, как этот... призрачный паразит так легко мог жонглировать фактами. А потом ухватила за его фразу про клятву:

– А что в этих клятвах такого? Почему Дэймон должен был поверить тебе? Только потому, что ты просто сказал «клянусь»? Так слова же не деньги – их можно наговорить множество, и от тебя не убудет...

Лич закашлялся. Натурально закашлялся. Даже постучал себя по груди.

– Как это «просто слова»? – наконец нашелся дух. – Как это не убудет! Еще как убудет. Когда клянутся, то в залог оставляют частицу себя: крови или души. И зарокami просто так не разбрасываются.

– А если бы твой темный поклялся мне в чем-то? – Я переступила через одеяло и сделала пару шагов к личу.

– Да ни в смерть такого не будет! – уверенно возразил дух. – Мессир не поступит так опрометчиво.

– Уже поступил. Поклялся! – обрадовала я привидение.

Гринро эту новость просто так переваривать не пожелал:

– И что же он вам пообещал, госпожа?

– Кое-что рассказать, – я не стала вдаваться в подробности.

Если Дэймон не поставил слугу в известность, что я Кэролайн лишь отчасти, телесно, так сказать, а вот душой – не совсем, то и мне этого делать не следует.

– Фых, – как-то облегченно выдохнул дух. – Всего-то рассказать... А я уж было подумал... Тогда, лэрисса, у меня для вас две новости. И обе не очень хорошие, что лично меня не может не радовать. Во-первых, судя по всему, вы настолько разозлили мессира, что он дал это обещание, лишь бы от вас отвязаться. А во-вторых, рассказать все можно и трупу. Или, на худой конец, вам спящей, валяющейся в бреду, или...

– Достаточно, я поняла, что тебе, личу Гринро, как юристу цены бы в суде не было!

– Да я в жизни, собственно, почти им и был, – с гордостью ответил дух. – Защищал права пожирателей душ в случаях, когда были спорные вопросы: съедена была душа уже мертвого мага или еще чуть-чуть живого...

– И как же тебя самого-то не сожрали твои благодарные клиенты?

– Не могу сказать, что они не пытались, – хмыкнул лич. – Но я после смерти предпочел служение роду Райос...

«Сомнительному удовольствию быть съеденным» хоть и не прозвучало, но это было легко домыслить. Я прошлась взглядом по этому полупрозрачному деликатесу для пожирателей душ и прищурилась.

– И ты без страха рассказываешь мне об этом. А вдруг я найду способ договориться с этими самыми пожирателями, чтобы они плотно пообедали тобой?

– Не выйдет, – самодовольно усмехнулся лич. – В замок им нет хода. А я не собираюсь покидать эти стены.

– И все же вдруг я найду способ?

– Да вы, лэрисса, даже развоплотить меня не сможете. В вас я не чувствую ни капли магии.

Я открыла рот, чтобы спросить о метах, но тут же захлопнула. Не хватало попасть впро-сак, как с этими клятвами. Поэтому решила сменить тему:

– Наверняка, Гринро, у тебя было немало врагов при жизни?

– Как вы догадались, лэрисса? – чуть удивившись, спросил лич.

– Уж больно ты общительный...

Призрак подозрительно на меня покосился. Я на него. Он на меня.

– Лэрисса, признаться, когда хозяин сказал, что ему в жены прочат набожную светлую, у которой кроткий нрав, я представил себе немного другую девушку...

– Увы, вынуждена разочаровать. Думалась такая, а сбылась я. Но могу тебя заверить, что все же я отчасти, но соответствую заявленным ожиданиям. Я истинно верующая.

Призрак, чуя подвох, тут же уточнил:

– И в кого же вы верите?

– В себя, разумеется. – А ведь это я не упомянула, что еще и пощусь регулярно: пару постов в «Фейсбуке» за месяц точно выкладываю...

Лич ответил полным сомнения взглядом и задумчиво произнес:

– Хм... Похоже, в Светлых землях за две сотни лет в воспитании благородных дев многое изменилось...

И тут в наш с личем милый и интересный разговор вклинился третий – мой желудок. Он заурчал, напоминая, что ему нужна пища не только духовная. Это ведь бесплотным призракам хорошо. А мой молодой и слегка растущий восемнадцатилетний организм хотел есть. Вот только просить Гринро проводить меня до кухни... Ну уж нет. Окажусь еще в каком-нибудь подвале. Запертая. В качестве шведского стола для голодных крыс.

Спровадив лича, я решительно направилась туда, где вчера оставила свои тапочки, – в ванную комнату. Там же умылась и привела себя в порядок. А затем, вооружившись каминной кочергой, отправилась на добычу провианта, а если удастся – и подходящей одежды. Не ходить же мне все время в халате темного и тапочках его любовницы.

Я шагала по коридору с кочергой наперевес, и настроение у меня было прямо-таки волшебным: хотелось сжечь кого-нибудь на фиг, сесть на метлу и улететь в туман. Но, увы, меня окружала суровая замковая реальность. Пока спускалась по лестнице, не встретила никого из зомби и умертвий, популяция привидений тоже, судя по всему, решила мигрировать от меня подальше. В очередной раз шагнув, я почувствовала, как ступенька уходит из-под ног.

Что же, отчасти мое желание сбылось: я таки полетела. Правда, не верхом на метле, а с кочергой под мышкой и вниз по лестнице. Но полетела же.

Уже внизу, чудом не свернув шею, с одной тапкой на ноге, я простонала:

– Господи, когда же моя задница потеряет маршрутный лист и прекратит искать приключения?

Сверху кашлянули, и раздался звук, словно кто-то отщелкнул костяшки на счетах.

Я подняла глаза и увидела белку. Плешивая была занята ответственным делом, ради которого повернулась ко мне хвостом. Она отвешивала смерти щелбаны.

– А я тебе говорила, что она не умрет! – Щелк. – А ты не верила! – Щелк. – Куда! Еще два осталось! – возмутилась белка.

Но смерть только недовольно перехватила косовище.

– Чтобы я с тобой еще раз поспорила... Дудки. Давай теперь без меня ее с ума своди!

Смерть обиженно оседлала косу и взвилась под потолок, а оттуда – через стрельчатое окно, что находилось на стене почти в самом конце лестницы.

Белка осталась сидеть на перилах.

Во время их милой беседы я успела поправить одежду, крепче ухватила кочергу и вообще приняла стоячее положение, в котором гораздо легче и убежать, и сражаться. Хотя, не спорю, поза на четвереньках устойчивее, но все же...

Белка улыбнулась мне столь доброй улыбкой, что я поняла: однозначно к такой спиной поворачиваться нельзя.

– Ну что, Ада, или лучше Кэролайн? Готова сойти с ума?

– Лучше Кэролайн. – Я решила, что незачем пропадать столь благодатному риторическому вопросу. Пусть он послужит началом беседы. Даже если она – с моей шизофренией. – А ты, случайно, не знаешь, где здесь кухня?

– Вот еще. Делать мне больше нечего, как экскурсоводом работать, – уничижительно фыркнула белка. – Моя задача – чтобы у тебя крыша поехала, а не вот это все... – Она выразительно развела лапами в стороны.

– С ума сходить надо на сытый желудок. А на голодный мозги, наоборот, лучше работают. Если не скажешь, где кухня, я скорее с голоду сдохну, чем с ума сойду.

Белка недовольно пошевелила усами и поскребла лапой меж ушей.

– Не-э-э, мертвая ты мне ни к чему. А Хель план и так выполнила. Ладно, пойдем, покажу, где тут можно раздобыть еды.

Она шустро заскакала по перилам, а потом спрыгнула на каменный пол.

– Ну, чего встала, пошли. – Белка махнула лапой, зовя меня за собой.

Пока мы добирались туда, где, со слов рыжей, «много и вкусно», я успела ее спросить о том, какой такой план у смерти, который та выполнила. Узнала о случайниках, плановиках и повестках. А ведь у меня тоже за месяц до злополучной аварии случилась такая «весточка», только я ей значения не придавала. Я тогда чуть не упала на рельсы в метро прямо перед идущим поездом. В последний момент удержалась. Значения не придавала, а оказалось, что это было предупреждение.

Потом речь зашла и о самой белке: неужели и она работает по плановой системе?

– Нет, – обиделась рыжая. – Еще чего! Я вольный охотник за разумом. Как это будет на языке твоего мира... – Она на миг задумалась и, что-то вспомнив, воздела лапу с оттопыренным коготком вверх. – Я... фри-лан-сер! Во!

Я глянула на этого рыжего «фри-лан-се-ра», который был размером чуть больше моей ладони, но наглости имел на трех менеджеров по продажам. Причем не просто менеджеров, а топ-менеджеров, круглогодично носящих звание «лучший продавец отдела».

– Пришли! – счастливо объявила белка. – Вот, – она развела лапы в стороны, будто хватаясь богатствами, – выбирай.

И тут я поняла, что понятия «много и вкусно» у нас с белкой разнятся. В отличие от меня она мыслила масштабно. Очень масштабно. А лучшей едой считала вино. Ибо иных причин, почему мы оказались в винном погребе, я не видела.

У одной стены в ряд стояли закупоренные бочки, у другой – лежали покрытые пылью, запечатанные сургучом бутылки. Я втянула носом воздух и... То ли я действительно начала сходиться с ума, то ли у меня случилась обонятельная галлюцинация, но я уловила запах копченого.

Как пес, взявший след, я пошла вперед. Нюх не подвел: винный погреб оказался смежным с кладовой, где вызревали головки сыра, а с потолка свисали, ожидая своего звездного часа, копченые колбасы и окорока.

Белка, резво прыгавшая рядом, обиженно проворчала:

– Вот так всегда! Стараешься для них, все самое лучшее предлагаешь, а они...

– Ладно, не переживай, – подмигнула я насупившейся рыжей. – Возьмем мы эту жидкость для обработки ран...

– Каких ран? – Белка с сомнением оглядела целую и почти невредимую меня.

– Душевных, слава небу, исключительно душевных...

– А-а-а... – протянула рыжая.

А потом мы с ней полчаса спорили, какое вино лучше брать к сыру – красное или белое. И если белое, то сухое или полусухое. У меня, как у свадебного фотографа, кое-какой вкус относительно благородного напитка имелся. Но на стороне белки был многолетний опыт.

Наконец, экспроприировав из кладовой сыр, кольцо колбасы и бутылку вина, мы пошли обратно. Вывела белка меня на кухню. Абсолютно пустую кухню, из которой, по ощущениям, сбежали все. Даже огонь из очага... удирал? Я пригляделась, сморгнула и помотала головой... но нет, пламя медленно ползло в угол и сжималось.

– Это... – Я ткнула в сторону языков пламени.

– А, не обращай внимания, – махнула лапой белка. – Огненная саламандра, как и прочие обитатели замка, меня и Хель отчего-то побаиваются. Смерть – в основном живые, конечно. А вот меня все. – Она важно задрала нос.

– А тебя-то почему? – озадачилась я.

– Как это почему? – Белка аж поперхнулась. – Я же могу с ума свести. А если мертвый перестанет отличать реальность от бреда, то его развоплотят. Развеют в тот же миг, как поймут, что призрак или умертвие того... ку-ку. Потому как сумасшедший становится опасен даже для некромантов. Так что все обитатели замка опасаются за свое посмертие.

– И мозги, – добавила я, имея в виду разум.

– Не, у многих тут мозгов давно нет. Те же скелеты, что занимаются уборкой. У них там... – Белка выразительно постучала по пустой кружке, стоявшей на столе. Звук вышел гулким и впечатляющим. – Пусто.

– И только я такая... смелая.

В последний момент я заменила нелестный эпитет «дура» на более благозвучный.

– Ну зато ты сытая, – возразила белка и потянулась за ножом, который был размером больше нее.

– Пока еще не сытая. Но планирую. – Я отобрала у рыжей нож.

Пока я нарезала сыр и колбасу, белка умудрилась каким-то невероятным образом открыть бутылку и даже нашла где-то засохшую краюшку хлеба.

Увы, вчерашний гевейк почил смертью храбрых, оставив после себя лишь обглоданные кости. Жаль. Пернатый киллер-неудачник, решивший атаковать чернокнижника, был вкусным.

Впрочем, спустя час и две трети бутылки я забыла о гевейке. Плотно позавтракала, продегустировала вино, отметив его тонкий вкус, и ныне слушала исповедь белки:

– Вы, люди, вообще такие... Без меня, белочки, ни подвиг совершить, ни свет повидать... Ик! – Рыжая, осоловев от еды едва ли не больше, чем от вина, пьяно подперла впалую щеку лапой.

– А свет-то повидать тот или этот? – поинтересовалась я, дожевывая кусочек сыра.

Скосила глаза в сторону. Там уже полчаса на нас тайно глазели несколько зомби и пара призраков. К тому же нет-нет да и мелькала полупрозрачная макушка Гринро. Саламандра свернулась в самом углу и тлела углями, изредка высовывая мордочку и с любопытством поглядывая на нас.

– А большая ли разница? – парировала накушавшаяся рыжая.

– В принципе, нет. – Я пожала плечами, а потом посетовала: – Вот только какой бы ни был мир, но попадать в нем в приключения лучше на сытый желудок. И нормально одетым!

Я запахнула поплотнее халат. Белка окинула меня чуть затуманенным взглядом, икнув, подняла кружку с вином и провозгласила:

– Ну, давай еще по одной и пойдем делать из тебя приличного, в смысле одетого человека. Мать твоего нынешнего супруга была непростительно красивой черной ведьмой. Наверняка от нее остались наряды. А вы с ней... ик!.. вроде одной комплектации...

– Может, комплекции?..

– Нет, комплектации! – Белка даже стукнула кулачком по столу. – Стандартной ведьминской базовой комплектации, где вредность заявлена как одна из основных ходовых характеристик.

– И в чем же я вредная?

– Ты с ума сходить не хочешь. Я тут с тобой уже второй удар колокола беседу веду, а у тебя сумасшествия ни на волос.

– Может, мне просто не с чего сходить? – хихикнула я.

– Хм... – Белка призадумалась, а потом возразила: – Да не, разум у тебя есть.

Потом она глянула на опустевшую бутылку вина и, воинственно встопорщив усы, объявила:

– Все, пошли за платьем!

Оценив решительный настрой белки, я бодро пошлепала следом за резво скачущим рыжим мячом.

Сначала в крыле лэриссы Райос мы искали гардеробную. Это оказалось непросто – найти ее среди более чем трех дюжин комнат. И это я еще не упомянула о проходных галереях. По сравнению с убранством спальни Дэймона женские комнаты имели поистине королевский интерьер. Одно то, что вместо ванной тут была целая купальня с бассейном, уже говорило о многом. Это я еще не упомянула о специальной комнате для одевания, капелле, гроте, он же зимний сад, кабинете для рукоделия.

Между женским и мужским крылом, словно нейтральная территория, располагалась библиотека. Белка завершила, что в подвале еще есть алхимическая лаборатория, да и много другого интересного. Я предпочла поверить ей на слово.

Наконец мы добрались и до гардеробной. Платья пышные... Платья с турнюрами... Платья, облегающие как вторая кожа, короткие и в пол, красные, черные, насыщенно-синие, лило-

вые – все оттенки и цвета ночи. Целая шеренга. Что ж, матушке чернокнижника во вкусе не откажешь. Да, смелом, но не вульгарном. А еще я поняла, что выбор для женщины – это зло. А большой выбор – просто армагеддец головного мозга.

Белка с деловым видом перебежала от вешалки к вешалке, цыкая зубами.

– Где они?.. – Ее усы непрерывно шевелились. – Ну где же они?.. А, вот! Нашла. Иди сюда.

Я двинулась на зов. Белка стояла в самом углу. Там висело с десяток симпатичных платьев светлых оттенков. Одни – белые, летние, с открытыми плечами – вызывали у меня стойкую ассоциацию со свадебными, но фаты не было ни у одного. Посему решила, что это наряды для прогулок, сохранившиеся с тех времен, когда их хозяйка переживала пору тургеневской барышни. Вторые – нежных пастельных оттенков, полностью закрытые, с ровным рядом маленьких пуговичек, начинавшихся едва ли не от талии и доходящих до горла, – напоминали о Викторианской эпохе.

Мне приглянулся наряд из тонкой шерстяной ткани нежного мятного оттенка. В таком я точно не замерзну: в замке воздух был хоть и не морозно-стылым, но вполне пригодным для хранения быстро портящихся продуктов. Помимо платьев в гардеробной имелись и другие необходимые в дамском туалете вещи, как то: теплые чулки, башмачки, нижние рубашки и панталоны... В общем, я оделась и почувствовала себя счастливой.

За разговорами, поисками еды и одежды я не заметила, как начало вечереть.

Осенью это особое время суток, когда вроде бы еще светло, но чувствуешь: еще немного – и обнаженные ветви деревьев начнут погружаться в сумрак, на холодное ясное небо выкатится дебелая луна, и все вокруг до рассвета закутается, как в шаль, в звенящую тишину.

Я взглянула в окно. В гардеробной оно было узким, стрельчатым, с мутным стеклом. А вот пейзаж за ним манил своей красотой. Захотелось рассмотреть получше, куда же я попала.

Мы с белкой решили поискать окно или балкон и вышли из гардеробной. Проходные галереи оказались широкими, длинными и располагали к прогулке и неспешной беседе.

Белка, которую я пробовала расспросить о том, кто такой чернокнижник Дэймон Райос и зачем я ему нужна, лишь хмыкнула, что она-де в политику не лезет, поскольку у нее от этой самой политики начинается несварение желудка и головная боль. А у той, кто отвечает за сумасшествие, голова должна всегда хорошо соображать. Но поскольку это говорилось чуть заплетающимся языком, в правдивости слов рыжей я слегка усомнилась. И все же кое-что о темном я узнала.

– Еще недавно список личных врагов Дэймона можно было охарактеризовать одним словом: кладбище, – пробормотала белка, язык которой мне таки удалось развязать.

– А что случилось после? – полюбопытствовала я.

– А дальше случилось то, что Райос, вольный темный маг, вынужден был вступить в права наследования. Хотя он и отчаянно упирался.

– Кроме него не нашлось наследников? – удивилась я.

– Еще как нашлись... И дядя, и сводный брат, и тетка с племянницей... Да всех и не перечислишь. Но вот беда: никто из них не годился на ту роль, которую уготовил темный властелин для своего стража, хозяина надела приграничных земель. Немалого надела, который занимает едва ли не одну пятую от всех Темных земель.

– Подожди, я запуталась. – Я помотала головой. – Разве эти земли не принадлежат этому... Темному плас... властелину, ну, здешнему императору?

– Нет, – огорошила меня белка. – В Темных землях есть темный властелин. Он закон и верховный правитель, а еще хранитель Врат Бездны. А есть стражи. Это не должность, а скорее титул. – Рыжая на миг задумалась и, почесав затылок, пояснила: – В твоём мире ближе всего к этому титулу князь. Стражам принадлежат независимые земли – они вроде бы и подчиняются монарху, но не совсем...

– И сколько таких вот стражей? – любопытствовала я.

– Родов-то? – уточнила рыжая и тут же ответила: – Сейчас уже четыре. Хотя раньше больше было. Но у Найрисов и Мероссов владения чуть больше носового платка: только и осталось, что воспоминание о былом стражеском величии. А про род Блеквуд-Бьерк – тут и вовсе особый разговор. Эти белые чернокнижники уже вторую сотню лет мозолят очи обоим владыческим династиям: и светлой, и темной.

Почему-то в последних фразах у белки прозвучала даже ностальгия... словно о верных то ли друзьях, то ли врагах (хотя порою это одно и то же) рассказывала.

Я еще собиралась спросить, отчего Дэймон не хотел становиться наследником, что случилось с предыдущим главой рода и... Но тут рыжая, громко чихнув, возвестила:

– Пришли. – И ткнула лапой в одну из дверей.

Похоже, она просто виртуозно ушла от ответа на еще не прозвучавший вопрос. Но я не стала настаивать на продолжении столь познавательной для меня беседы. Увы, припереть белку к стене, чтобы она выложила все, что меня интересовало, не имелось никакой возможности: она попросту могла исчезнуть в любой момент. Да и портить отношения со своей шизофренией... Но это не значит, что при следующем удобном случае я не задам ей очередной вопрос.

Я послушно взялась за ручку и толкнула дверь. Как выяснилось, та вела в кабинет. Просторный, но выполненный в строгих темных тонах. В таком кабинете рабочий настрой появится сам собой.

А затем я взглянула в окно. Оно, высокое и широкое, с низким подоконником, который был на уровне колен, не скрывало красоты пейзажа. Замок стоял на вершине отвесного уступа. Дальше находилось ущелье с долиной. Извилистая река-змея еще не замерзла и казалась почти черной лентой на припорошенной первым снегом земле. Чуть дальше шли горы – не острые пики, а гигантские покатые валуны. Они напоминали мне согнутые спины громадных медведей, навсегда застывших. Вот только шкура таких гигантов – не серый мех, а сосны и ели.

Еще дальше – высокие острые пики, увенчанные сахарно-белыми шапками вечных ледников. Вдали они сливались с низкими пузатыми снежными облаками.

Холодная, величественная и беспощадная красота, которой хорошо любоваться вот так, из окна, стоя рядом с камином в теплом кабинете.

Ветер бился в стекло, нет-нет да и донося заунывный волчий вой. Я поежилась. И тут особо сильный порыв распахнул створки. Те ударились и зазвенели, но не осыпались крошкой стекла. Тяжелые парчовые занавески вздулись парусом. Я враз замерзла и поспешила к окну, чтобы его закрыть.

Взявшись за створки, я залезла на невысокий подоконник: мой рост не позволял мне просто так дотянуться до шпингалета. И только я хотела закрыть окно, как раздавшийся за спиной крик заставил меня замереть.

– Не смей!

Тихо, как в замедленной съемке, я повернула голову. В дверном проеме стоял Дэймон. Чернокнижник тяжело дышал. Непокрытая голова, распахнутая черная кожаная куртка, еще не успевшие растаять снежинки на плечах и волосах – темный был сейчас олицетворением стылого осеннего ветра. Яростного и злого. В одной его ладони танцевал сгусток тьмы, вторую он протянул словно для призыва.

– Не смей чего? – на всякий случай очень вкрадчиво, словно разговаривая с душевнобольным, уточнила я.

– Прыгать не смей. – Темный впился в меня взглядом.

– Да вроде как и не собиралась... – Я покрепче ухватилась за раму. – Только окно хотела закрыть.

Темный меж тем сделал несколько плавных, текучих шагов ко мне.

– Только закрыть? – спросил чернокнижник, и по его тону я поняла: мне отчаянно заговаривают зубы.

– Да. Точнее некуда, – фыркнула я. И не успела даже ничего сообразить, как меня сграба-стали и стянули с подоконника. Бесцеремонно, грубо. Наверняка после этого останутся синяки.

Но только после того, как я оказалась стоящей на полу, темный позволил себе выдохнуть. А потом совершил пасс рукой, и окно захлопнулось само.

– Только закрыть, говоришь? – прошипел явно взбешенный маг. – Эти створки сами собой не распахиваются. На них, после того как моя бабушка в седьмой раз пригрозила деду самоубийством, было наложено запирающее заклятие.

– Но они...

– К тому же ты стояла на самом краю, в ритуальном платье для погребений. По-моему, картина однозначная.

– Платье для погребений? – ахнула я и машинально перевела взгляд на белку, которая сидела в кресле как ни в чем не бывало.

– Что тут такого? – Она пожала плечами. – Подумаешь, саван. Зато он теплый, и ты сама его выбрала. Кто я такая, чтобы тебе возражать?

– Зачем?

Желание задушить эту рыжую стремительно перерастало в жизненно важную необходимость.

– Ну я решила: раз уж ты с ума не сходишь, может, его, – белка кивнула в сторону чернокнижника, – свести удастся. Он же на тебя столько всего угрохал. Десять лет жизни отдал заразу и прорву сил! Надо думать. Ведь еще седмицу назад он был вполне себе магом двадцати девяти лет, а сегодня – почти сорокалетний! Вдруг, увидев тебя в саване, готовый выпрыгнуть из окна, он бы тронулся рассудком? Ну хотя бы слегка...

Задушить белку я не успела. Прежде в нее полетел огненный шар. Увы, рыжая исчезла раньше, чем Дэймон подпалил ей шкуру. Зато кресло занялось основательно, задымив весь кабинет.

Чернокнижник, ругаясь сквозь зубы, усмирил пламя.

Глава 4

Мы с темным остались вдвоем. Мне пришлось чуть задрать голову, чтобы взглянуть ему в глаза: ростом Кэролайн была ровно по плечо brunetu. Хотела что-то сказать, но промолчала.

Дэймон тоже не говорил ни слова. Лишь внимательно смотрел на меня, словно увидел в первый раз.

Дэймон. Страж. Темный. Чернокнижник. С жесткой линией губ, тяжелым взглядом – одним словом, воин. И неважно, где он ведет сражение – на поле брани или в кабинетах. Такой привык побеждать и не отступит. Упрямый. Гордый. Опасный. И сейчас он стоял в каком-то шаге от меня.

Я чувствовала его дыхание, кожей ощущала его взгляд, и от этого у меня внутри словно закручивалась тугая пружина.

– Прости, я не знала... – Слова вырвались сами собой.

– Кэролайн... – начал он сухо, но помедлил и, с усилием усмирив гнев, продолжил: – Кэр, никогда, слышишь, никогда не поддавайся на уговоры этой бестии. Она действительно сводит с ума.

Дэймон во время своего монолога, кажется, сам не заметил, как взял меня за плечи и притянул к себе, будто доходчивее пытаюсь донести до одной мелкой блондинки сказанное. Хорошо хоть, не встряхнул, как нашкодившего котенка. А когда и он, и я осознали, что стоим так близко, почти прижимаясь, оба замерли, не шевелясь, глядя в глаза друг другу. В горле враз стало сухо. Я сглотнула, поймав себя на том, что сейчас все мое тело превратилось в одни сплошные ощущения.

Сильные руки, что все еще держали мои плечи. В них чувствовалось напряжение до дрожи. Я ловила дыхание темного, вдохи и выдохи, от которых было щекотно и тепло. Странно. Ново. Хотелось отодвинуться и одновременно оказаться еще ближе.

А еще я ощутила ароматы ели и мороза, что исходили от Дэймона. Они смешались с чуть пряным запахом его дыхания и кислинкой пота от ворота рубахи, щедро разбавились дымом от полусгоревшего кресла... И все же...

Темный хрипло выдохнул. Заметила, как дернулся его кадык. Дэймон чуть наклонился ко мне.

На миг смежила веки. А затем, открыв глаза, выдохнула:

– Извини, я и правда не хотела напугать тебя. Окно действительно распахнулось само.

– Я уже понял. – Чернокнижник опустил руки и нахмурился, будто сам на себя раздосадованный за что-то. – Это рыжая сняла запирающее заклятие. Могу поспорить, что и твоя одежда – ее идея.

Я опустила взгляд, усиленно рассматривая подол.

– Не совсем. Утром я осталась в одном халате и... Но я действительно не знала, что это саван. Я бы никогда... – И, перебив сама себя, предложила: – Может, есть другая одежда? Я с радостью переоденусь.

– Зачем? – Темный изогнул бровь.

– Как зачем? Это же саван. Причем твоей матери... Он наверняка напоминает тебе о ее смерти.

– А с чего ты решила, что моя мать умерла? Она вполне себе здравствует и на той седмице сменила очередного любовника, – сухо отчеканил чернокнижник. – Что же до савана, это у нее было в свое время такое хобби. Кто-то собирает гробы со своих неудавшихся похорон. А вот она – коллекцию саванов. Оные ей шили каждый раз, когда думали, что все, наконец-то лэрисса Райос отправится к праотцам. Но мать назло всем доброжелателям в последний момент оказывалась живой и почти невредимой. Все в лучших традициях истинных черных ведьм.

Я провела рукой по бедру, разглаживая складки.

– Признаться, первый раз встречаю такой саван. Он больше на свадебное платье похож, светлое, пышное...

Чернокнижник снисходительно хмыкнул:

– И много ты видела в своей жизни свадебных платьев и собственно свадеб?

– Только за последний год у алтаря стояла раз пятьдесят, – брякнула я, припомнив, сколько у меня было съемок венчаний.

Темный нервно дернул веком и выдохнул:

– Сколько-сколько?

– Ну да, этот год у меня был не самый удачный. Заказов не так много... – посетовала я.

После чего лицо Дэймона стало вообще напоминать маску. Посмертную. Мою.

– Так свадьбы эти еще и заказные были?

Меня прожгли полным холодного презрения взглядом.

– Ну да. Не по доброте же душевной и за бесплатно я до седьмого пота впахивать должна.

А потом в фотопроцессоре еще сколько штукатурировать приходилось, – с вызовом ответила я, поджав губы.

А темнюка чернокнижная продолжала молча на меня зыркать, словно он священник, которому я на исповеди призналась в том, что на жизнь оргиями зарабатывала. А потом до меня начало доходить...

– Дэймон, только честно. Ты решил, что я?.. – Я слотнула, подыскивая наиболее точное слово.

Тот рассерженной коброй прошипел:

– И что я должен был решить? Ты же сама призналась, что у тебя было пятьдесят мужчин за последний год, с которыми ты прогулялась до алтаря.

Вот он, прекрасный момент для моего истеричного нервного срыва. К горлу подступил ком, и... я зашлась смехом. Звонким, безудержным, без единого шанса остановиться.

Месяцы полной неподвижности, нервы, натянутые до предела, перемещение в другое тело и другой мир, горгуль, смерть и шизофреническая белка – все вместе сделали свое черное дело.

А поскольку битье посуды и качественное закатывание скандалов у меня, увы, никогда толком не получались, то нервные срывы у меня выглядели вот так – с безудержным смехом.

Мелькнула мысль, что вот сейчас мне залепят отрезвляющую пощечину или выльют на голову стакан холодной воды, чтобы унять. Мелькнула – и пропала.

А потом в меня полетело заклинание. Я даже успела уловить запах морозной мяты перед тем, как мысли обрели кристальную четкость, а в душе поселилось вселенское спокойствие.

– Решил, что тебе не повредят успокаивающие чары, – сухо бросил Дэймон. – Судя по всему, те несчастные не были твоими мужьями. Но, извини, это первое, что пришло бы в голову любому, кто услышал бы от тебя «стояла у алтаря». Итак, если ты была не невестой, то... Церковником? Градоначальником, который регистрирует брак?

– Почти. – Я хотела усмехнуться, но мышцы лица словно онемели. Заклинание успокоения оказалось практически убийственным для мимики. – Я фотографировала молодоженов.

Чернокнижник озадаченно смотрел на меня. И даже после того, как я объяснила, что зеркалить в нашем мире – это не создавать зеркальный щит, а работать с камерой-зеркалкой, что штукатурировать – это не белить стены известкой, а фотопить и ретушировать, все равно брюнет смотрел на меня с недоверием.

Наш разговор мы вели, все так же стоя друг против друга, на фоне окна, в стеклах которого отражался багровый подбой заката. А потом я увидела, как по запястью темного пробежал сполох и он поморщился.

– Что это? – Я кивнула на руку, которую Дэймон непроизвольно потер.

– Это результат моего необдуманного поступка, – нехотя признался темный. – Пойдем поужинаем, и я выполню свое обещание – расскажу тебе, почему был не просто вынужден согласиться на брак с лэриссой Лавронс, но и приложил все усилия, чтобы церемония состоялась.

Ну да, все усилия... Да он свою невесту в прямом смысле из гроба поднял, лишь бы заключить этот брак, куда уж больше-то.

На этот раз ужин состоялся не на кухне, а в обеденном зале. Как и положено, верный слуга-лич наябедничал хозяину обо мне. А конкретно – о грабеже хозяйской кладовой на предмет бутылки вина, кольца колбасы и сыра. Отдельно призрак уточнил про белку и надругательство над матушкиной гардеробной.

Кляuzu Дэймон выслушал молча и так же молча кивнул, подавая знак к началу ужина.

Спустя полчаса я могла сказать лишь одно: как бы красиво ни был сервирован стол, на каком бы изысканном серебре ни подавались блюда, если еда отвратная, ее ничто не спасет. Отбивная была пережарена и, по ощущениям, посолена впрок, чтобы не испортилась даже спустя год. Картошка – или то, что ее напоминало, – превратилась в какую-то вязкую кашицу. Она, по моему мнению, отлично подошла бы вместо клейстера. Не подвело только вино. Подозреваю, бутылку взяли оттуда же, откуда и мы с белкой.

– Слушай, а ты всегда так питаешься или сегодня тут особое меню? – не выдержала я, наблюдая, как мужественно Дэймон поглощает ужин. – Вчера тот гевейк был намного приличнее...

– Потому фто, – усиленно работая челюстями и пытаюсь отодрать кусок от отбивной, начал темный, – я его фам готофил.

Похоже, мясо было приготовлено в лучших традициях партизанского отряда и сдаваться на укус не пожелало. На отбивной остался четкий след зубов чернокнижника, но кусок был по-прежнему целый.

– Кэр, наверное, мне стоит пояснить: я в этом замке бываю редко. Моя бы воля – вообще бы не появлялся. Но это родовое гнездо рода Райос, и я, как нынешний глава, обязан хотя бы несколько дней в месяц проводить здесь. Главное достоинство этой удаленной крепости – то, что сюда тяжело пробраться чужаку. Поэтому я тебя и привез сюда. Что же до слуг – за мертвыми мне проще следить, чем за живыми. Но, увы, и у зомби есть ряд недостатков, один из которых – готовка.

А вот теперь закашлялась я. Не то чтобы я была ханжой, да и против трупов вроде как ничего не имела (когда они мирно лежат с бирочкой), но есть после слов темного расхотелось окончательно.

– Слушай, может, ужин я приготовлю? Нормальный. Уверю, что таланта для яичницы у меня хватит. Даже для блинчиков. Наверное.

– Кэр, не хочу тебя обижать, но память о твоём глинтвейне все еще жива.

– Мое дело предложить. Но смотри, ты многое теряешь. Это на ужин в дорогой ресторан ты можешь пригласить кого угодно, а вот так, чтобы вечером, сидя на кухне, поесть жареной картошечки прямо со сковородки...

– Знаешь, а ты умеешь уговаривать, – плутовски усмехнулся темный. Наверное, впервые за все время нашего знакомства искренне и по-доброму.

Когда я оказалась у плиты, то поняла, что мне предстоит самое сложное в ужине – решить, что именно готовить.

Нежить, при нашем появлении быстро удравшая с кухни, оставила на огне пару кастрюль с подозрительно булькавшим содержимым.

– И это мне ты говорил про то, что меня к зельям подпускать не стоит? – подняв одну из крышек, возмутилась я. – Да, теперь я понимаю, что с твоими специалистами мне не тягаться.

Сделав ревизию в шкафах, я убедилась, что продукты в замке переводят бездарно. В мешках обнаружили и картошка, и свекла, и лук, и морковка. В морозильном сундуке – баранья голень.

Значит, будет борщ!

Вот только готовить в одиночку я не собиралась, хотя темный всем видом и давал понять, что будет помогать в нелегком поварском деле исключительно морально, развлекая меня беседой. Ага, сейчас. Вручила ему ножик и свеклу. Приготовилась, что в итоге в очищенном виде до меня дойдут три корнеплода размером с грецкий орех, но чернокнижник удивил. Быстро и аккуратно срезал кожуру. Еще и покрошил так тонко, что не на всякой терке натрешь.

– Но ведь умеешь же готовить... – протянула я, глядя на то, как он ловко орудует ножом.

– Ну я бы не сказал, что навык очищать и резать появился у меня у плиты, скорее уж на кладбище...

– Даже знать не хочу, кого ты там очищал и шинковал, – поспешно заверила я.

Но, похоже, темный из своей природной вредности решил мне досадить:

– Только на кладбищенской земле растет черная бульба. Ее цветы ядовиты, а вот корни – отличное средство, которое делает любой декокт в разы эффективнее. Так вот, как только ты вырвешь бульбу из земли, у тебя всего несколько ударов сердца, чтобы ее очистить. Иначе она затвердеет и превратится в булыжник, который даже самая острая сталь не возьмет.

– А я думала, что чернокнижники с умертвиями и духами работают.

– Нет, мы еще охотимся на бульбу, плотоядных кроликов...

– И гевейков.

– И гевейков тоже, – покладисто согласился темный. – К слову, этих самых гевейков я научился запекать на полевой практике, когда учился в академии. Нас на седьмом курсе отправили в Шумерлинскую топь, где путной еды отродясь не бегало. Зато вдосталь было ядовитых гребневиков и гигантских пауков-группедов. С провизией у нас тогда как-то не сложилось... В итоге мы питались гевейками, клюквой и надеждами на то, что нам удастся по-тихому утопить магистра Расмуса, который и отвечал за провиант. Как нам заявил этот упырь... и упырь – это вовсе не иносказание: «Вы, выпускники боевого факультета, сможете выжить и без провианта».

Вот так за приготовлением борща мы и беседовали ни о чем. А после ужина я наконец узнала, отчего Дэймону срочно понадобилась в невесты лэрисса Лавронс.

Темные и светлые враждовали уже давно. Очень давно. Открыто войной друг на друга не шли, придерживались нейтралитета, то есть если и пакостили, то исподтишка. В этом плане старались разведки с обеих сторон. И однажды достарались. Чуть меньше столетия назад светлые попытались выкрасть у темных артефакт Первородного Мрака. Могуущественный и, как я поняла, очень крутой. Но, похоже, что-то пошло у шпионов не так. Совсем как при установке пиратской версии «Виндоус» полными чайниками. Правда, в итоге вышел не голубой экран, а перенастройка этого самого артефакта. В итоге то, что должно было нести смерть и хаос, стало, как бы выразиться поточнее... улучшать демографическую ситуацию. Сильно улучшать, быстрыми темпами. Причем больше всего – в Приграничье. Хотя сам артефакт находился в столице.

Я заинтересовалась: почему так? Я ради этого даже карту Темных земель попросила показать.

Дэймон, проводив печальным взглядом пустую кастрюлю из-под борща, которую я как раз убирала в раковину, нехотя согласился. Мы отправились в кабинет.

Здоровенная карта висела у него на стене. В том самом пропахшем дымом кабинете, из которого слуги уже унесли сгоревшее кресло.

Чернокнижник показал мне не только карту, но и аккуратно обведенные районы, где за последние сто лет резко возросло число жителей. Возможно, это было бы даже хорошо, если бы

не одно но. Численность жителей Темных земель росла, а вот сами земли – нет. Через десять лет Приграничью грозили голод, нищета и перенаселение.

– Конечно, удалось вернуть настройки артефакта Первородного Мрака, но вот последствия его сбоя... Советники предложили моему властелину маленькую победоносную войну в Приграничье, которая позволила бы привести численность населения в норму, – сказал Дэймон так сухо и цинично, словно процитировал чьи-то слова. – Или пустить контролируемый мор, который забрал бы лишние сотни тысяч жизней. Но это жизни моих людей! – Темный сжал кулаки так, что костяшки побелели. – Владыка предложил иной выход – расширить границы Темной империи, если сочетать браком стража перевала и наследницу земель Лавронсов. Ведь именно их земли граничат через перевал.

У Дэймона был выбор: либо война, либо брак с ненавистной светлой и расширение владений за счет земель, что шли как приданое Кэролайн. Он выбрал второе. Выбрал ради своих людей. После объявления, что земли Лавронсов переходят во владение стражу Райосу и теперь ему принадлежат и территории за перевалом, его люди смело пойдут туда.

– А как же правитель светлых на это согласился? Чтобы часть его земель перешла тебе?

– У него тоже был небольшой выбор: война, которую он, несомненно, проиграет, даже бросив на врага силы всей Светлой империи, или мир и отчуждение земель. А с учетом того, что и в самой Светлой империи того и гляди вспыхнет мятеж... Аврингрос Пятый согласился на предложение темного владыки упрочить мир брачным союзом верноподданных.

Между бровей на лбу чернокнижника залегла морщина, а скулы побелели. Дэймон надолго замолчал, а потом заговорил снова:

– Владыка придумал изящный план, как сократить численность жителей, без войны расширить свою империю и лишит род Райос в дальнейшем возможности претендовать на темный престол. Но была одна загвоздка. Мой отец. Он на тот момент был главой рода стражей Приграничья. Женатым главой. Владыка приказал ему повлиять на меня, чтобы я женился на Кэролайн. Но отец решил сам вести юную Лавронс под венец. А для этого нужно было всего ничего – убить мою мать.

Я в последний момент прикусила язык, чтобы не ляпнуть, какие милые семейные отношения...

– Знаешь, в этом противостоянии я бы встал на сторону матери и прикончил отца, но она успела раньше. Заколола его свадебным кинжалом прямо на императорском ужине, когда он подливал ей яд в бокал. – Дэймон выдохнул. – И не смотри на меня так. Брак родителей тоже был договорной, как и у меня с Кэролайн. Родители терпеть друг друга не могли.

– Встать во главе рода тебя заставил император? – догадалась я.

– Да, это была цена свободы моей матери. Зато после моего согласия ей даже не предъявили обвинения в убийстве супруга.

Я обхватила себя руками. В кабинете было тепло, даже жарко, но по спине прошел холодок. Куда я попала? Стало страшно. Темный, словно прочтя мои мысли, произнес:

– Боишься? Правильно. Страх помогает избежать многих легкомысленных глупостей, например смерти.

– По-твоему, смерть – это глупость? – Я закусила губу.

– Да. Самая большая глупость, которую можно совершить в жизни, – это умереть, позволив себя убить. А тебя хотят убить многие. Поэтому я прошу только об одном: не будь глупой. Хотя бы пару седмиц не будь.

– Знаешь, вот если бы ты не добавил последнего уточнения, было бы намного лучше.

– Зато так честнее. А честность в Темных землях – товар редкий и ценный.

– Я оценила. И кто же хочет... моей смерти?

– Проще сказать, кто хочет твоего долголетия. Никто.

И Дэймон с охотой пояснил почему.

Аврингрос был бы счастлив, если бы девица Лавронс не дожила до свадьбы. Идеальный вариант. Некого сочетать браком – не быть и свадьбе. Хотя в открытую он этого, конечно, заявить не мог. Согласно официальной версии он был счастлив «укреплению союза между Темной и Светлой империями».

Но тот, кто отравил Кэр в монастыре, вполне мог быть послан именно по его указу.

Да и во дворце темного владыки есть немало тех, кто только искал весомый повод, чтобы развязать войну. Например, таковым могла бы стать смерть благородной светлой, скажем, принесенной в жертву в кровавом темном ритуале... Стоит пустить среди людей Лавронса весть о подобной смерти единственной наследницы... Тут уж или война, или мятеж, что тоже на руку темным. Ведь восстание – это способ еще сильнее расшатать трон светлого императора.

Не следует исключать и фанатиков, которые считают, что темная и светлая кровь не должны смешиваться, и пример Блеквудов-Бьерков только укрепил их в этом убеждении.

Я же поняла, что чернокнижник сейчас лучше любой белки справится с весьма непростой задачей – доведением меня до шизофрении. Я даже головой помотала, прогоняя соблазнительные мысли о том, что, в общем-то, совсем не плохо сидеть в четырех стенах, жевать край подушки, пускать слюни и не бояться, что тебя кто-то прикончит.

А потом бросила взгляд на карту. Что-то во флажках, которыми были отмечены самые густонаселенные районы, казалось мне неуловимо знакомым... Вот только что?

Дребезжание, негромкое, но настойчивое и резкое, заставило меня вздрогнуть. Мы с Дэймоном глянули на стол. Камень, что лежал на самом краю, засветился, и под ним появился конверт.

Чернокнижник помрачнел, как только его увидел, но решительно подошел и взял послание. Открыл, пробежал взглядом по строкам и медленно положил рядом с чернильницей.

– Кэр, кажется, быть благоразумнее и осторожнее тебе придется гораздо раньше, чем я думал. Император приказал нам завтра к утру явиться во дворец.

М-да, вот так обстоятельства во второй раз испортили мое замечательное плохое настроение.

– И долго до этого дворца добираться? – сглотнув, уточнила я, памятуя, сколько мы летели до замка на метле.

– Не больше удара колокола. Телепортационный камень доставит нас до столицы, а оттуда до дворца уже на метле. А сейчас иди спать. Завтра будет трудный день.

«Сейчас» не получилось по причине того, что я, как блоха к собаке, пристала к Дэймону с расспросами. Почему мы не могли воспользоваться этим самым телепортационным булыжником, а, как... особо умные, гордые и на всю голову герои, летели сквозь холод и снег на метле?

Темный, скрипя зубами, пояснил, что тогда мы летели через границу. А через нее можно перебраться только своим ходом. Вздумай воспользоваться телепортацией – и тебя попросту разрежет сеть охранного плетения. И выкинет по частям: нога – на землю темных. Рука – на территорию светлых.

– А почему тогда мы не можем сразу во дворец катапуль... телепортироваться?

– Потому что темный властелин – предусмотрительный владыка, который, чтобы не ввергать подданных в искушение убить его императорскую особу, запретил являться во дворец через телепорты. Так что туда, как и через границу, – только на метле или пешком. А теперь иди спать, Кэр. Так от тебя хотя бы меньше вреда, и мне спокойнее, – выдохнул темный, глядя мимо меня на то место, где еще недавно стояло кресло, а ныне красовалась дыра на обугленном ковре.

Я аж поперхнулась от такой несправедливости. Я, что ли, его мебель поджигала? А что до его слабой нервной системы при виде меня на подоконнике, так никто не просил смотреть.

В общем, я убедилась, что мужчины в любом мире одинаковы: не ценят они нас, женщин. А ведь мы всегда готовы о них позаботиться, освободить от лишнего груза: вынести мозг, попить кровушки, расшатать нервишки, из равновесия опять же вывести...

Я обиделась. Гордо так обиделась, независимо. Ни слова не сказала, только спину распрямила и смерила наглеца своим фирменным взглядом фотографа Ады.

Хотела уже развернуться и уйти, даже простучала каблуками по паркету, обойдя обгорелый ковер у самого края, когда чернокнижник выдохнул:

– Кэр, когда будешь решать, каким способом меня лучше убить, советую выбрать сталь. У тебя очень вкусный суп получился, и не хотелось бы портить аппетит, если ты решишь добавить туда яду.

Я чуть не споткнулась от такого заявления и обернулась к темному:

– В смысле убить?

– У тебя было такое выражение лица, с которым в комплекте непременно идет месть. Чаще всего – кровная.

– Дэймон, я в этом мире всего второй день. Но о смерти, убийствах и мести я слышала больше, чем за все двадцать шесть лет, что прожила в своем мире. Скажи, неужели здесь первая мысль у всех: либо тебя пытаются убить, либо тебе надо кого-то прикончить?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.